

Виктор Власов
СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Фантастическая повесть

18+

© ЭИ «@элита» 2016

Екатеринбург

СОДЕРЖАНИЕ

Наблюдение

Глава 1 – «Суровое сибирское утро»

Глава 2 – «Вторая жизнь»

Глава 3 – «Творец судьбы»

Глава 4 – «Рука из прошлого»

Эпилог

Сон в зимнюю ночь

Наблюдение

Монотонное проживание на земле гомо сапиенсы разнообразят различными способами. Главное – занятие должно приносить удовольствие, не оставляя шанса рутине серых будней растворить духовную монаду.

Проще говоря, чтобы реальность не наскучила, и дни не превращались в тусклое скопление безвкусного воздуха, активные люди подсознательно стремятся заполнить окружающее пространство впечатлениями. Они с переменным успехом пробуют себя в разных сферах деятельности: ходят в спортивные секции, «дабы не одряхлеть совсем», в экстремальные походы, на акулю рыбалку, в тайгу – кормить комаров и тигров. Любое движение мысли или мышц сулит прогресс бытию – так считают романтики.

Чем бы дитя ни тешилось – лишь бы не вешалось, парируют циники, предпочитающие увлекательным впечатлениям приятные ощущения. Они играют в крутые компьютерные игры, требующие недешёвого графического оборудования, просматривают красочные фильмы-фэнтези, где рыцари размахивают магическими мечами, вытаскивая из плена всяких девушек. Иные развлекаются по старинке: читают книги, отлёживая бока, напрягая зрение, искривляя позвоночник.

В среднем, компромиссном варианте, все мы – слушая музыку, посещая какие-то мероприятия – мечтаем, общаемся, становясь друг для друга позитивными или негативными раздражителями, полезными или вредными: зависит от дозы и дистанции общения.

Но есть и такие, кто в ситуации душевного распада и лени не померно разросшегося тела ничего не делают, уповая на произвольную перемену существования, на помощь друзей и знакомых. Если ожидаемого поворота событий не происходит – они ставят на себе крест, и становится хуже. Апатичность да бесцветность мира отравляют их бытие навсегда.

Не всякому дана выносливость переть по жизни, высунув язык, не каждому доступен кайф от мелких радостей. Но если хочется *«такого-этого»*... что делать человеку, которого уже

напрягает общество, но ещё не разложившемуся морально и не разросшемуся телесами, точно гибридный вид, а просто ленивому? Такому, как мне? Поспать...

Глава 1 Суровое сибирское утро

Голос мамы, добрый и тихий по жизни, сквозь сон слышался противно и глубоко, словно исходил из недр Марианской впадины:

– Витя, пора вставать.

От резкого электрического света, ужалившего сквозь приоткрытые веки, я напряжённо зажмурился, вдавил голову в подушку. Мама не выключала свет, не уходила из комнаты – задалась целью разбудить в семь утра единственного сына.

– Опоздаешь в институт, – её голос смягчился.

– Отстань, уйди! – я поразился, как чуждо прозвучал мой собственный голос.

Она наклонилась, стянула одеяло, и холод обуял меня вместе с гневом, я вздрогнул. Волей-неволей поднялся, пошёл в душевую. Из красного крана горячая вода пошла не сразу.

– Бли-ин, на фиг! – бросил я, отскочив. Надо было матери соврать, что мне ко второй или к третьей паре.

Позже, сидя за столом и тупо глядя на гречку с жирной сарделькой, припоминал, какие пары сегодня, и какое домашнее задание к ним требовалось.

– Отец два часа назад пошёл на работу, а ты дрыхнешь, как сурок! – улыбнулась мама. Я всегда удивлялся способности отца вставать мгновенно, «как штык». Щёлк – и к бою готов. Так говаривал дед, ветеран войны, а я сравнил бы с роботом...

На улице очень холодно, градусов сорок, не меньше. Голубовато-серыми буграми в палисаднике лежал снег; из сугробов безжизненными острыми клешнями торчали голые ветки кустарника, деревья поднимались кривыми метёлками к бледно-фиолетовому, как раствор марганца, небу. Подъездная дорога вдоль палисадника моего дома давно пятнистая из-за утечек масла от снующих день и ночь автомобилей. С тёмно-коричневыми и лиловыми разводами застывшей грязи, она ныряла между огромных труб, упакованных в задубевшую

рыжую монтажную пену, огибала коллектор теплотрассы, из которого валили облака белоснежного пара; там всю зиму, как фрицы в доте, жили бомжи. Земля у теплотрассы – цвета сожжённой резины, словно впрямь тут гремели бои; в дни потеплее здесь грелись несколько бездомных кошек – куда они девались в самые холода, непонятно. Во дворе между турниками на верёвке, выстывая, болталась белая замёрзшая футболка, от мороза превратившаяся в пластмассовую ледянку. Оставленная тут со вчерашнего дня хозяйкой, она подыгрывала скрипом окостеневшему, словно хвост гремучей змеи, шуршащему воздуху. Толстый снеговик с окоченевшей морковкой вместо носа, облитый водой, застыл и превратился в сосульку. Брызги воды попали на крашеное резиновое колесо от К-700, потрескавшееся от времени и облюбованное ребятиной под лавочку для вечерних шумных посиделок. Своре этих пакостников принадлежали кучи кожурки от семечек и следы на снегу вокруг снежной горки, разваленной пинками. Снова наша старшая по дому отправится в поход по квартирам, чтобы найти разрушителей и заставить их восстановить детский городок. В очередной раз пропал металлический мини-аттракцион: на месте детских качелей торчала из снега отрезанная кусачками проволока. Знакомый бомж, припарковав тележку с огромным капроновым мешком, сколоченную умелыми руками, подобрал «улики» – банки из-под пива. Медленно толкнув свой «грузовик», он покатил к теплотрассе, вопрошающе оглядывая невыспавшихся прохожих. Кто-нибудь замечал, что человек в семь-восемь утра, в лютый мороз, не похож сам на себя? Каждая клетка организма, сжимаясь, сохраняет тепло, и потому в такую минуту люди кажутся инопланетянами. Белый пар струями выходит из покрасневших носов, а щёки румяные, словно тесто слоёного печенья.

Я шёл не торопясь, размеренными шагами, не хотел поскользнуться, как в прошлый раз – ботинки у меня скорей осенние, не зимние. Слабое мяуканье царапнуло сердце и заставило взглядом пошарить по земле. Крохотный чёрный котёнок с горящими глазками дрожал и жался к трубе теплотрассы. Мы глядели друг на друга. Я не мог взять его домой: Барсик будет страшно недоволен. Вытащив из сумки бутерброд, я лишил его толстых кусков колбасы и сыра. Котёнок облизнулся, продолжал дрожать и глядеть преданными

глазами. Взяв кроху в руки, я нашёл отверстие подвала в кирпичном доме, где тепло. Засунул туда котёнка, колбасу да сыр. На миг я точно прозрел, обрадовался тому, что сделал кое-что хорошее: уберёг пушистое создание от голода.

Сзади раздался короткий громкий сигнал: водителю наскучило тянуться за мной и моими минорными мыслями.

– Козёл! – я ринулся на обочину.

На остановке – толпа раздражённого народа. Встречая и провожая бело-серые и чёрные маршрутки, люди топтались на месте, словно стадо баранов перед закрытыми воротами. Среди их сутулых, широких и покатых плеч показалось маленькое треугольное лицо, обтянутое сеткой длинных морщин; на голове выбивалась из-под шапки засаленная копна крашенных бледно-жёлтых волос. Тулуп сидел на женщине неловко, словно вывернутый наизнанку.

– Я внештатная сотрудница мэра, хожу, смотрю, чтобы порядок соблюдали. Бывает, занимаются незаконной продажей несертифицированных продуктов у магазина. За аренду площади надо платить.

– Тебя знаю... больная, – отмахнулся один, прижав к себе сумку. – Вали отсюда!

– Как смеете? Милиция!.. Помогите, – приковыляла она к знакомому мне таксисту, Илюхе, который, махнув рукой, поздоровался со мной.

– Ненормальная, иди в баню, пока монтировкой не огрел!

– Ты импотент, не мужчина, раз так отзываешься о женщине... обо мне.

– А-а, притворяешься больной, да? Подойди, – Илюха расстегнул ширинку. – Залазь и щупай!

Сумасшедшая, не дожидаясь зелёного сигнала светофора, побежала через дорогу к стационарной милицейской будке. Ей невдомёк, что зимой «сторожка» пуста. Она, впрочем, всегда пуста, когда вам бывает нужен страж порядка – те чаще появляются, чтоб уличить вас в превышении предела самообороны и оставлении хулигана и грабителя в беспомощном состоянии, угрожающем его здоровью.

В углу остановки, «карманном местечке» таксистов, свои выгоняли двоих чужих. Залётные, держа оборону, страшали связями с криминальными кругами. Но местные таксисты тоже не вчера родились. В гнев они походили на псов, у которых

отбирали сахарную кость, – подумал я, забывая о том, что работяги кормят семьи, им конкуренты-бомбилы не нужны. Парни уехали.

Поверх мигающих поворотниками легковушек уныло смотрели глухими окнами частные дома. Струи дыма из труб и кирпичных дымоходов стекались в пепельное вонючее облако, и оно напоминало гигантскую многоногую инфузорию, монстрадушителя.

Токоприёмники троллейбуса сошли с проводов; большой железный таракан встал, шевеля усами, за ним образовалась пробка. Оранжевая женщина, выпрыгнувшая из кабины, залезла на крышу.

Нужная мне маршрутка стояла на светофоре, готовилась вильнуть к толпящемуся народу. Все торопятся, всем нужно уехать! Адреналин взбудрил кровь, разогрев мышцы, отогнал собачий холод. И это называется «Посёлок Южный»! Что тогда делается на улицах «Северных»?..

«Триста девятнадцатая» издала протяжный сигнал – толпа настолько заполонила остановку, что вылилась и на дорогу.

– Стоя не берём! – крикнул водитель.

– Что вы делаете, женщина? – возмутился мужик; его подтолкнула старуха, которую в свою очередь пихал я. – Как звери! Красные наступают, что ли? – у водилы ещё оставались нервы на юмор.

Попытка проехать стоя была принята в штыки.

– Не поеду, выходите! – отказался водитель. – Пятьсот рублей у меня не лишние, а вы штраф платить не станете.

– Опаздываю, командир, – парень с «дипломатом» искажился в лице.

– Нет.

– Сволочь! – хлопнул дверь в ответ «отверженный».

Водитель – тёртый калач, на хамство не ответил. «Тяжела и неказиста жизнь маршрутного таксиста» – вспомнил я читанное на чьём-то грязном борту.

Музыка в маршрутке стала чуть тише, яркий свет резко очертил досыпающих людей. Довольный удачей, я оглядел счастливо расслабившихся пассажиров, заметил девушку, которая наверняка тоже не выспалась, но узнала меня, каждое утро пробивавшегося в маршрутку сквозь толпу. Её глаза, большие и шальные, украдкой пробежали по мне и скользнули

за окно. Девушка сняла чёрные кожаные перчатки, нетерпеливыми руками раскрыла сумочку. Белые, как сливочный крем, продолговатые пальцы достали мобильный телефон. Ангельское обрамлённое волнистыми локонами лицо оживилось: мечтательная улыбка, очаровательные ямочки в уголках пухлых слегка покрашенных красноватых губ. Белые цветы на коричневых блестящих ногтях легко сплясали по клавиатуре. Сжав телефон в руке, она сидела не шелохнувшись. Прошло несколько секунд – и никакого ответа. Губы её дрогнули, она раздражённо забросила телефон в звонкое содержимое сумочки. Несколько минут сидела смирно, затем поёжилась, и снова пальцы забрались в сумочку, достали блокнот. Острый взгляд опустился на строчки, аккуратный носик задёргался точно у хорька, едва слышно втянув воздух.

Я любовался ею в третий, а то и в четвёртый раз. Уходя в мысли, засматривался на неё, медленно переводя взгляд сверху вниз и снизу вверх. Куртка скрывала стройное тело с довольно большой грудью, сильно натянувшей серебристую молнию замка. Линия бедра, подчёркнутая красной полосой на брюках... фигура привлекательная, ладная, словно у спортсменки по фитнесу. Сапоги длинные, лакированные, на высоком каблуке, голяшки завязаны кожаными шнурами крупным бантиком.

«Столько раз встречаемся – и не могу познакомиться! – подумал я раздосадованно, быстро отведя глаза, чтобы ускользнуть от кроткого таинственного взгляда девушки. – У неё волосок с чёлки на реснице мешает глазам. Неужели не чувствует?»

Моя предприимчивая сторона подталкивала на подвиг:

– Наклонись, да скажи ей чего повеселей, не грузись!

А малодушная словно держала в тисках рассудок и тело:

– Я толстый! Зачем красивой девушке парень, который бекает-мекает, как прыщавый школьник? Наверняка она подумает, что я навязчивый, глупый и скучный... Может, я просто ЛОХ?!

Так бился я меж двух стихий, упуская шанс познакомиться с девушкой.

Мой институт из-за отказа в аренде переехал в район Старо-загородной рощи. От «Южного» туда шли немногие маршрутки, а ездить с пересадкой выходило накладно – поэтому почти каждое утро я опаздывал на учёбу.

В это утро мне повезло: Маргарита Афанасьевна, мой нелюбимый учитель аналитического чтения, сама опаздывала на занятие.

После пяти пар хотелось спать, но по расписанию шла тренировка.

Под вечер мне сделалось дурно, а к ночи поднялась температура и морозило. Продуло, промёрз, простыл. Я проклинал сибирскую зиму и Сибирь вообще. Не моя земля, думал я, принимая с маминой руки аспирин и малиновый сироп. Вот бы сейчас слетать на юг и понежиться на солнце! Болезни как рукой смахнуло бы. Тяжело вздохнув, я забрался под одеяло, а мама сверху вдобавок укрыла тёплым пледом:

– Завтра на улице потеплеет. К утру всё пройдёт. Спи, мальчик мой.

Неизвестно, от лекарства, или от материнской любви, но через некоторое время я почувствовал, как температура спала. Стало легко, и сон сладко манил в свои объятия. Надежда на лучший день – без хвори, серости и мрачных мыслей – загорелась со звёздами на лиловом небе, принесла успокоение в душу. Наверное, подумал я, простуда так быстро отступила потому, что мама меня очень любит.

Глава 2 Вторая жизнь

Перед глазами, словно на повышенной скорости кто-то прогоняет яркую киноленту, пролетает целая жизнь. Чужая жизнь! Я не узнаю родной город: здесь всё не так. В этой жизни я молодой учёный – программист-конструктор. У меня интересная и важная тема. Несколько лет я пишу обучающие программы для аппаратов, обслуживающих инвалидов... то есть, извините, людей с ограниченными физическими возможностями. Наш отраслевой НИИ Технического Машиностроения когда-то в стародавние времена создавался как бюро по автоматизации, внедрению робототехники и отладки конвейерных линий. Меня, молодого специалиста, назначили в проект, в успех которого никто не верил: сидя на голом окладе, я принимал участие в НИОКР – опытным

производстве механических игрушек, имитирующих поведение животных. Ну, как японцы... почти. Штучные игрушки, даже для богатых фирм – дорогое удовольствие.

В отделе мы занялись миниатюризацией электронных схем и подстройкой киберинформации к управляющим импульсам мозга. В коридорах и в столовке замелькали люди в белых халатах не нашего края – медички, нейрофизиологи. Это дело было новое, неопробованное, «старые кадры» только похлопывали нас по плечу да иронично улыбались, проводя параллели с первыми ракетчиками, ГИРДом – «группой инженеров, работающих даром». Сравнение лестное, но потянем ли мы?

Никто не верил, да, а мы, пораскинув мозгами, обкулив с медициной кой-какие идеи, изготовили-таки аппарат... Я не должен рассказывать детали, даже намекать не вправе – подписку давал о неразглашении – может быть, вам покажется неправдоподобным... да и хорошо.

Очередная, уже традиционная «Выставка вооружений и военной техники». НИИТМ тоже презентовал несколько своих разработок. Наш отдел приготовил сюрприз: дроида, неотличимого от живого существа. Собственно говоря, произошло тихое ЧП. Наш дроид... сбежал от Анжелки, молодой симпатичной блондинки – сотрудницы ТВК Континент, и, пока она ела «Валемидин», истерично рыдая в медкабинете, он неопознанный болтался под ногами посетителей выставки, которые только молча косились на средних размеров чёрную кошку. Чёрт, в общем, и на самом деле был кошкой, только дохлой; моя опытная микросистема поддерживала в теле животного жизненные функции и принимала решения, имитируя поведение. Самое смешное, мы и не ожидали такого качества адаптации от системы Чёрта: в отделе он ни разу не показал ничего столь же совершенного. Тканевый гомеостаз в норме, рефлексy в норме, простейшие команды более-менее исполняются. Игрушка, словом: всё понимает, только не говорит. А тут – кошка-кошкой! Высочайшая имитация. Поймали его секьюрити замминистра, которому Чёрт прилюдно нагадил на башмак. И как угадал?

Скандал утрясли, а я запатентовал изобретение – микросистему ОКС-Био... Потом мне позвонил одноклассник, сообщил, что мною интересовался сам г-н Юхан Винкстрём, и

предложил переехать в столицу. Я, разумеется, не отказался: работать в «Анимал Системз» значило быть на пике современной науки и технологии – это престижно и интересно. Теперь пишу подстроечные, по сути, фрикерские, программы для обучения распознающих блоков искусственно выращенных организмов.

Широкая презентация нашей продукции устраивалась впервые. Дело в том, что депутаты городской Управы облажались в прогнозах и спешно секвестрировали бюджет. На академические разработки, соответственно, денег не дали. А процесс запущен, нужны ингредиенты, дефицитные, недешёвые... Зарубежные партнёры раскошелились на аренду зала на Красной Пресне и этажа в гостинице Украина, что неподалёку от Экспоцентра.

Большой зал был полон людьми, часть из которых мотается по всему миру с саммита на форум, с форума на международный салон, оттуда на дефиле, фестиваль или карнавал – и так по кругу. Вторая половина – тихие и незаметные фигуры, чьё мнение всегда компетентное и решающее. Иностранцы профессора заинтересованно переговаривались вполголоса, крупные бизнесмены молча ожидали, что перед ними появится нечто, способное дать им бесконечное счастье в виде барыша. Всех сопровождали старые крашенные жёны или юные голубоглазые секретари. Мой шеф, Юхан Винкстрём, хитро и таинственно улыбался, наблюдая, как в кулуарах гостей обслуживают и лёгким флиртом развлекают стройные красавицы в дизайнерской униформе с эмблемой ASY.

В тихом ропоте ожидания различалось не менее пяти языков. Мужчина в халате с бейджем, полным лицом с голубыми глазами, походивший на моего отца, оставшегося в Омске – Джек Маккол. Он профессор одного из университетов Америки. Протянув несколько строк из гимна корпорации ASY, он гордо взял край занавески и, не торопясь, явил гостям ЭТО. Игроков в покер в зале не оказалось. Выражение на лицах стало умилённым, ахали на разных языках, восторженно тянули гласные. Как замороженные, серьёзные взрослые, даже старые люди входили в экстаз, глаза горели азартным огнём. Каждый желал говорить с Юханом, увидеть учёных, каковым будет

уготована работа над... *идеальной женщиной*, но не синтетической и холодной, а живой и тёплой.

Узрев большой, в человеческий рост, аквариум – «капсулу жизни», гости благоговели, бормоча невразумительное – то, что понималось с трудом. Что там говорить, даже я и мой японский друг Норимура, некоторым образом связанные с этим процессом, не могли отвести взгляда от красивой девушки, спящей в капсуле; мои руки невольно тёрли одна другую, шарили в карманах белого халата. Внутри закрытой светофильтром и обёрнутой в тёмную полиэтиленовую оболочку «капсулы», точно замаринованный в маслянистом растворе, едва заметно покачивался силуэт андроида. Цепочки пузырей, бурля, тянулись из кольца форсунок в никелированном основании, играли с длинными волосами, волнами разбрасывая их по плечам и груди искусственного тела.

– Все мы, дамы и господа, мечтаем об идеальном партнёре. Я говорю о партнёре не только по бизнесу! – улыбнулся Джек в сторону раззявивших рты «денежных мешков». – А теперь! – нащупав пульт в кармане пиджака, он сменил фоновую экспозицию. Волосы девушки медленно сползли на стройное тело. – Проект «Идеал» к вашим услугам!

Многоязыкий ропот слился в один протяжный вздох, и вот вперёд шагнул пухлый араб в клетчатой арафатке, с лицом, напоминавшим дублёную кожу. Правой рукой он прикоснулся к тёплой капсуле и несколько секунд оглаживал колбу аквариума, схватившись левой рукой за край своей ослепительно белой мешковатой одежды. Олигарх из пустыни от волнения забыл вступительную речь, и его помощник тихо подсказал. Вопросающе протянув волосатые руки, Фарух Насри проговорил длинную фразу, смысл которой переводчик пересказал по-английски. Юхан Винкстрём молчал, испытующе глядя арабу в глаза, тот стоял, скрестив руки; пальцы унизаны перстнями с крупными бриллиантами и рубинами.

– Если не ошибаюсь, – ответил Алексей, тот самый одноклассник, на мой вопросительный взгляд. – Он запал на пупсика и хочет эту... сделать любимой *наташкой*.

– Впечатляет!.. – только и произнёс я. – И почему это у «южных челоовеков» все белые женщины – Наташки?

– Фиг поймёт! По-ихнему «натака» – говорить. Это полатыни «наталия» – м-м-м... рождающая. Гарем – это типа «пашня» или «нива», в Коране написано...

– Вот обломается! – добавил он.

Эмоциональная речь, произнесённая Фарухом с переводом по-английски, без труда понималась как предложение о дальнейшем эксклюзивном финансировании проекта. Разногласия возникли мгновенно: не один араб заправлял большими венчурными фондами, нашлись и другие, жаждущие вложиться в проект.

– У него наверняка полно наложниц, – предположил я, рассматривая панель управления системы жизнеобеспечения и ЖК-монитор, являвший кардиограмму спокойного пульса девушки-андроида в режиме сна. Джек Маккол, услышав это, усмехнулся, и, коснувшись пальцем ямки под правым ухом, словно нажимал невидимую кнопку, пояснил свой жест... и я вздрогнул, смысл потряс меня! «Человек, не рождённый из чрева матери, мог быть человеком только внешне, это и привлекало богачей!» Им настолько приелись земные существа...

Царила праздничная атмосфера: гости со своими супругами и секретарями разошлись по Экспоцентру, благополучно забыв и организаторов презентации, и «гвоздь программы». Девушки из ASY снова без промедления приступили к своим «динамическим» обязанностям, соблазняя раскошелиться на жертвования в пользу бездомных поросят.

Несколько невзрачных фигур окружили капсулу – продолговатую прозрачную стеклянную емкость, расположенную горизонтально. Они разглядывали содержимое с нескрываемым интересом.

– Г-н Винкстрём, – строгая дама в сером с причёской каре и глазами навыкат пожевала дёснами, – неужели так необходимо представлять образец в обнажённом виде? Весь прогрессивный мир стремится освободиться от предрассудков, и никого уже не раздражает появление людей обоего пола в общественных местах в стиле «ню». Но не кажется ли вам, что

представлять искусственного раба в облике женского тела – недопустимый сексизм и мужской шовинизм!?

– Уважаемая э-э... Люциферия Христофаговна, – встрял немолодой худощавый очкарик в твидовом пиджаке в клетку.

– Люция Христофановна, – сварливо одёрнула его дама. – Попрошу не ёрничать, мсье Габриелян!

– Господа, не ссорьтесь, будем корректны! – призвал шеф.
– Ваша размолвка на симпозиуме в Хельсинки... Извините.

Джек Маккол приступил к объяснениям, благо аудитория осталась понятливая.

Медленно обойдя вокруг капсулы, всяк выражал изумление согласно национальным особенностям. Некоторые раскрыли рты, округлив глаза, другие морщились, будто проглотили противную микстуру: на шее и вдоль позвоночника девушки, на руках, на чуть согнутых коленях – с наборами миниатюрных канюль, доставляющих организму питание, и тончайших золотых электродов, крепились большие пластины; назначение всей этой арматуры сейчас со слов Джека излагали на нескольких языках переводчики. Большинство присутствующих экспертов отпускали скептические реплики.

Уловив суть возражений, Алексей пояснил и мне, и я, вытянув губы, кивнул с видом знатока. «Недостаточна культура производства» – это фактор, способный влёт сшибить любую смелую новаторскую идею.

Пластины служили временным интерфейсом сложного генератора, вызывающего специализацию стволовых клеток «зародышевой нити» – исходной биотехнической цепочки – и дальнейший ускоренный рост. Внешние импульсы способствовали крайне быстрому обмену веществ: синтетическое существо росло не по дням, а по часам. Этому образцу было месяцев семь, а выглядел он как пятнадцатилетняя девушка. Сложная технология, разработанная одним из японских профессоров, который с достоинством принимал поздравления. Правда, не все так высоко ценили вклад учёного Востока. Джек, постучав указкой по стеклу капсулы, ткнул её именно в те места, где крепились хромированные пластины. Упомянув фамилию профессора, исковеркал имя, и добавил, что тот немного поспособствовал в конструировании генератора. Профессор встрепенулся, как воробей, вперив полный

возмущения взгляд в американца. Джек, виновато улыбнувшись, не извинился.

Эксперты и деловые господа, осмотрев и выслушав всё, что мы имели им предложить, отправились в номера гостиницы «Украина». Шеф с присными также переместились туда, чтобы порешать вопросы подписания контрактов. А мы – Алексей, Норимура и я – остались разбирать экспозицию.

– Слушайте! Мы их больше не увидим, – тихо произнёс Норимура. – Проект переходит к другой группе.

– Кому? – быстро спросил Алексей.

– Как? – побледнел я. Казалось, мир, теряя цвет, безнадежно рушился.

– Сасаки-сэмпай уверен, что араб увезёт их. С арабом прибыл знакомый ему ихтиолог-генетик. Они задумали модифицировать образцы.

Образцов было несколько. Я не знал, сколько – допуска в отделение дорастивания не имел. Но, судя по вариантам собственного задания, не меньше трёх. Я выпросил фото у шефа – для вдохновения, так сказать. Приятно ведь трудиться над абстракциями, если представляешь, для кого твои труды предназначаются. Я подозревал, что хитрый Юхан подсунил мне фотку собственной дочери. Впрочем, даже обмануться был рад – девчонка миленькая, даже красавица. Над программой её обучения я трудился охотнее всего... И только тут, в момент презентации, когда Джон сорвал покровы тайны, я узнал ЕЁ...

Они... пропадут... их изуродуют, отрастят плавники и жабры, от неё, лупоглазой, с мелкими острыми зубами, станет вонять тиной и тухлыми ракушками – исчезнет из мироздания единственная понравившаяся мне девушка – чистая, тёплая, нежная, – а с ней перестану жить и я.

Перспективка! Снова окунусь в неинтересную реальность: стану пропадать за созданием примитивных программ для бестолковых игрушек. Сущим ужасом для меня была бы потеря тайной любви, открывавшей во мне запас тепла и терпения ради лучшей жизни, бытия без мрака, порой докучавших перед сном мыслей.

Я вернулся домой опустошённый. Копаясь в себе и рассматривая с балкона маленькие фигурки людей, спящих по Новому Арбату, не мог понять ту странную силу притяжения,

подействовавшую на меня. Неужели фраза Джона Маккола относится и ко мне самому? Неужели я тоже пресыщенный извращенец, мечтающий о женщине-роботе оттого, что боюсь трудностей отношений с женщиной настоящей? И не потому ли я стал программистом – так выражается моя трусость. Я хочу контролировать чужие мысли. Я опасаясь, что та, с кем мне придётся связать судьбу, не оценит меня как мужчину – не сможет или не захочет меня понять, не станет делать для меня то, что я пожелаю, и начнёт манипулировать мной. Появятся тягостные подозрения, что она, теща меня в брак после первого поцелуя, намеревалась использовать меня и выбросить. А я, распалённый непривычными желаниями, знал, и с совестью шёл на компромисс: я соглашался быть её рабом ради крошек со стола её жизненного пиршества. И с этим уже ничего не поделаешь, кроме возможности научиться лгать... себе.

На исходе дня, изголодавшийся желудком и уставший от душевного самоедства, я одиноко сидел за столом. Поглощая торт маленькими кусочками, перелистывал толстую кипу иностранных научных журналов. Буквы расплывались. Перестав обращать на них внимание, я нашёл фоторепортаж исследования некоего профессора А. Эми, связанного с клонированием высших приматов.

Опыты, похожие на вскрытие в морге заживо, наводили жуть. Я в прошлом как бы не касался физиологических аспектов нашей работы – этим занимались медики: препарировали, вживляли, чего-то там лечили-налаживали... Моя запатентованная микросистема была теоретической находкой.

Картинки Москвы, винтажно уложенные под стеклом на столешнице, поплыли, сливаясь мутными пятнами. В голове не укладывались приёмы, использованные подручными профессора-людоведа.

– Неужели и мы в «Анимал системз» творим такое с неудачными образцами? – ужаснулся я. – И теперь какой-нибудь потный волосатый Саид-бабай-оглы вскроет позвоночник моей нежно любимой красавицы ржавым лазерным скальпелем, чтобы переделать в вонючую рыбу?

Они не «образцы» – живые люди, а их превратили в подопытных кроликов!

С небывалым отвращением я почувствовал тошнотворный комок в горле.

Страх улетучился, лишь я миновал охранника. Пропуск подделан: нарыл в базе бланков АSY похожий, и офотошопил по памяти, чтобы выглядело как вчерашний, полученный для сопровождения «образца». Юхан теперь уволит ответственную секретаршу... или собственноручно утопит, если она не сумеет превратиться в рыбу.

Внутри помещения ангара царила приятная прохлада: кондиционер едва шуршал, настроенный на мягкий режим. Полумрак, пронизанный тусклым вечерним светом, создавал атмосферу таинственности. Слышалось ритмичное пиканье вразной панели управления. Капсул для дорастивания было шесть – в два ряда, между ними проход прямо от двери.

Ноги привели меня к длинному шнуру, уходящему в потолок. Недоверчиво поглядев на дверь, я, подбадривая себя верой в правое дело, нагнулся и отсоединил кабель антенны.

– Идиот! – обругал я сам себя. – Влюблённая тетеря!

Внезапно меня осенило предположение, от которого руки затряслись, страх вернулся: сигнал, оповещающий о неполадках системы, о непредвиденном изменении статуса образцов внутри капсул, мог быть закодирован на контрольные отметки, периодичности которых я не знал.

Я нервно сглотнул комок в горле и шагнул вперёд. Действовать нужно по-мужски – быстро, решительно, грубо. Я робот-варвар – опустошитель! Но, как назло, дыхание стало неровным, сбивчивым, выступил холодный пот, сдавило виски. Пройдя между капсул и облокотившись о холодный пластик панели, едва не упёршись носом в толстое стекло, я разглядел в мутной суспензии силуэт той девушки, что мучила разум во сне, не давала покоя днём. Колотило дрожью, ноги и руки не слушались, в голове царила пустота, перед глазами туман. Очки запотели? По спине лизнул обжигающий холод: крайне неприятно жить, когда родился трусом!

Таинственный естественный свет внутри капсулы обнаружил движение тёмного силуэта. Образец не спал! Неясным осторожным привидением искусственное существо качнулось в мою сторону, приблизилось настолько, что моментально вспыхнувший лазурный блеск двух глаз-топазов

ослепил меня. Огромные глаза пристально взирали мне в лицо, казалось, изучали с бесконечным интересом. Я понимал, что отступать поздно. В начале драки трус вроде меня всегда ощущает кратковременный истерически неистовый прилив сил. С таким ощущением я никогда не мог справиться, и вот это накатило на меня – в ответственный миг борьбы за любовь мои ноги снова подкосились. Я сдавленно закричал, падая и скользя, задел кнопки. Основание капсулы треснуло, выпустив с шипением какой-то газ – звякнув о стеклянный корпус никелированными втулками, отскочили пневматические замки. Капсула покачнулась, выпала из основы. Дрогнув на высоте четырёх футов, колба лопнула, выстрелив маслянистой водой, крупные толстостенные обломки с грохотом рухнули на пол. Всхлипывая, изгибаясь нагим телом, девушка упала на порог тревожно зазвеневшей панели. Иглы и канюли, понатыканные в тело девушки, по моей вине утратившей состояние блаженного барометрического равновесия, врезались глубже, разрывая и рана. Издав крик, тут же перешедший в плач, она отдирала пластины, полные золотых иголок, судорожно вытаскивала из себя катетеры. Кровь брызнула тонкими струями, окропив монитор и никелированное основание капсулы.

Я не великий умелец в оказании медпомощи – так, кое-в чём разбираюсь, – но в тот момент меня это даже не беспокоило. Залижем, заклеим, залечим потом! Главное – бежать! Грохот был такой, что вот-вот сюда примчится вся охрана.

Кровь моя неистово билась о стенки сосудов, будоража сознание. Кровь струилась на пол из ран моей освобождённой, нет, «новорождённой» любви!.. Её тут не меряно! – стиснув зубы, прикинул я. Вспоминая названия сильных противовоспалительных и бодрящих препаратов, я торопливо снял со стены аптечку. Открыл, провёл пальцем по иностранным названиям. Слава Богу и неутраченному навыку чтения иноземных букв, что их произношение совпадало с теми названиями! «Никтоферол», «Ксозин», «Тригермол»... мощнейший транквиль... они что же, нарочно тут держат химическое оружие, придурки? – хмыкнул я. – Или кто-то, имеющий доступ, тоже?.. Джек?.. Неважно!.. Она не погибнет, нет, она – моя!

Всосав нужную ампулу в пистолет-шприц Калашникова, я «стрельнул» в подключичную впадину девушки. В шею, как в

кино, не рискнул: вспомнил, в отечественной медицине это запрещено. Она перестала трястись, обмякла, дыхание восстановилось.

На удивление долго не реагировала охрана, наверное, поблизости никто не маячил. Это прибавило мне смелости – я присел рядом с девушкой, приподнял ей голову и энергично растёр затылок и лоб, стимулируя кровоснабжение мозга. Она вздрогнула, охвативший шок, казалось, нагревал тело. Лоб и щёки её запылали огнём. Мою ладонь даже обожгло, затем температура стремительно восстановилась, и девушка меня увидела.

– I am...I am...What's happened? – глаза неистово горели, словно два светло-синих драгоценных камня. Их мерцающая тревожная глубина требовала ответа. Маленькие ноздри подрагивали, медленно, будто бы с опаской втягивая воздух. Я растерялся. Она в принципе не должна ещё разговаривать! А тут – грамотное построение фраз, чистое произношение... Как? Кто??? Не ища ответа, я кивнул, а она, моргнув, отрешённо проговорила:

– What...was that? It hurts...

Я, сглотнул, метнув недоверчивый взгляд на дверь ангара. Стимулятор, казалось, насытил кровь не ей, а мне. Зарядив в пистолет большую ампулу транквилизатора, я положил палец девушке на губы, прислушался. Громко плакала лишь одна панель.

– Answer me, please! – болезненно прошептала она, приподнявшись.

Гулкие шаги снаружи не сулили ничего кроме головной боли. Я быстро встал у двери. Охранник, держа половину пирожка, заглянул внутрь:

– Что случилось?.. Вы...

Я, вытащив из-за спины пистолет-шприц, вколол бедняге импортный транквилизатор мгновенного действия. Дегина, не успев ахнуть, свалился тут же у порога и погрузился в глубокий долгий счастливый сон, отогнать который вряд ли мог даже нашатырный спирт.

Девушка неловко села, прислонившись плечом о панель своей родной взломанной капсулы, непонимающим взглядом окинула помещение, утонувшее в полумраке. Проведя босой ногой по скользкому полу, попыталась подняться, но, стиснув

зубы, только всплакнула. Боль возвращалась, и силы покидали тело. Всё-таки у неё не человеческий метаболизм.

Я понял: разнообразные сюрпризы неминуемы. Выудив из гардеробной рабочий халат, я вернулся. Без сознания она лежала на полу. С трудом приподняв и надев на неё чистый халат, я подхватил девушку на руки. Ноша показалась мне лёгкой и холодной, точно снежинка.

Я беспрепятственно вынес её за территорию на улицу, побежал на стоянку, где заметил машину с чёрно-жёлтыми шашечками. Люди останавливались, бросали на меня изумлённые взгляды.

– Несчастный случай! – повторял я срывающимся голосом.

– Куда едем, к Склифосовскому или сразу в ЗАГС? – спросил догадливый таксист; голос был смутно знакомый.

Словно джигит, умыкнувший невесту, не дожидаясь лифта, с ношей на руках взбежал я по лестнице, прыгая через ступеньки. Руки онемели, но адреналин жёг кровь, а кровь давила виски. У двери в квартиру мне пришлось повозиться с замком, но я победил – пинком распахнув створку, втиснулся, наконец, в своё логово. Обессилев и свалившись на диван вместе с ней, я пролежал без движения некоторое время. Пелена безумия медленно сходила с глаз, и теперь тревога неотвязчиво отдавалась в груди.

Я не верил себе, не признавал свой поступок целесообразным. Невольно обронив несколько бессвязных фраз, сел у стены. Как я мог решиться на столь необдуманный поступок? Беззаконие! Крах всей моей жизни, такой устроенной, такой успешной... Охранник меня видел, сейчас меня ищут. Придут сюда – знают, где я живу...

Сомнения навевались в голову снова и снова до тех пор, пока я не услышал тяжёлый вздох, который будто застрял в лёгких девушки и кашлем вырвался наружу. Свесив голову и руки, она повернулась удобнее, волна всё ещё влажных тёмных волос упала на щёку.

Девушка пришла в сознание, и по тому, как она поджала дрожащие руки под намокший халат, я понял, что её морозило.

Пришла пора действовать разумно! Без слов я накрыл её одеялом, достал из шкафа кое-какую свою одежду – водолазку, шерстяной свитер и тёплое трико, вязаные толстые носки. Вещи выложил перед девушкой на тумбочку и деликатно удалился в кухню готовить горячий напиток. Несколько минут хватило, чтобы она переделалась, и, по знакомому характерному скрипу дивана, я понял, что девушка вновь спряталась под одеялом.

– Are you ok? – спросила она дрожащим шёпотом, отставив пустой бокал на тумбочку.

Огромные печально-взволнованные глаза излучали лихорадочный блеск. Она то и дело прищуривалась и вздрагивала, замирала, будто прислушиваясь к стуку собственного сердца. Отирая слёзы, облизывала пересохшие губы. – Ты порядок? – Остренький носик придал ей сходство с любопытным хорьком.

Я вскинул брови. Человеческая радость в груди от того, что моя любимая сама проявила интерес и заговорила со мной, смешалась с удивлением учёного. Первая осмысленная фраза её, обращённая ко мне, по идее должна быть иной. Я же программист, у меня профессиональная логика. На мой лоб заползли морщины, но лицо просияло. Девушка недоумённо взгляделась в меня, пытаюсь отыскать в своих файлах объяснение такой эмоции.

– Твоими журналы русский, я так узнать – показала она, истолковав мою гримасу как недоумение. – Русский я уметь мало – учи не хотеть, – она улыбнулась. – Джулис меня имя.

– Виктор... Витя! – радостно ответил я. – Можешь по-английски, я понимаю.

– Do you live here? – спросила она, оглядывая мою холостяцкую однушку. – Твой жильё такой, мусорный? Я потом всё тут убирать, я уставать очень.

Она подтянула коленки к груди, свернувшись в клубок, плотнее укуталась одеялом. А я, подложив под её голову подушку, не осмеливался будить.

– Почему нас не искали? А вдруг я убил охранника... передоз там, или аллергия? – мучительно гадал я. Чёрт! Что же я

натворил, влюблённый кретин! Надо собраться... иначе с ума сойду. Буду считать, что никто не умер – просто на меня не думают, мне ведь нечего делать в зоне доразвивания образцов! Так же точно могут подозревать и Алексея, и Норимуру...этого в первую голову – у японцев, как я понимаю, свои тёрки с Джеком. Наверняка в лаборатории уже шуруют криминалисты из ФСБ, кровь охранника промоют, вены ему прокапают... Часа два у меня, похоже, есть форы.

Через некоторое время я почувствовал: нам пора собираться, спать совсем не следовало. Я занервничал. Когда же она очухается-то? Будить девушку не хотелось. Чтобы отвлечься, я в уме подсчитал заработок за период работы на Юхана – на карточке должна скопиться приличная сумма. Блин! А если карта заблокирована! Повышенная нервозность как всегда растравила у меня неуёмный жор и погнала к холодильнику. Подкрепившись остатками торта, я подождал ещё немного. Поёрзал на стуле рядом со спящей Джулис, заглянул ей в лицо. Она срубилась основательно и, похоже, надолго – в мёртвый сон, тяжёлую пелену которого ничем не удастся снять. Вот когда я пожалел, что не держу дома мощной стимулирующей химии! Не кофе же ей вливать в ухо! Смех!

Время реально поджимало, с каждой минутой на душе становилось тревожней. С остервенением я продолжал сжимать в руках телефон, и готов был задушить его – дабы тот ни в коем случае не зазвенел, высветив нежелательные имена.

– Джулис... – погладил я девушку по щеке, тёплой, точно розовый мрамор. Потрогал холодный нос... когда мой Барсик болел, то нос у него был тёплый, почти горячий... успокоился. – Джу...

Она будто кошка фыркнула, недовольно поёжившись. Не открывая глаз, показала маленькие клыки. Я, сглотнув, предпринял другую попытку – пощекотал шею. Джулис что-то пробормотав в ответ, всё-таки открыла глаза.

– Вставай! Мы опоздаем! – прошептал я. – Отдохнёшь потом. Поспишь хоть десять часов.

– What's wrong, Vitya? Calm down...

Я проявил настойчивость и сам удивился, как девушка послушалась.

– Spина больно, – пожаловалась она, повернулась на живот, подняла кофту. – Что такое?

Я ужаснулся количеству красных точек, оставшихся после длинных иголок. Молчал, подыскивая нужные слова.

– Ничего страшного, – ответил я неуверенно. – Бывало и похуже.

– Ок... Завтра Эндрю взять я на «Грифон», – медленно и осторожно, чтобы не растревожить боль, Джулис, держась за мою руку, поднялась. – Мы ехать к ним?

– Конечно, – улыбнулся я, погрузившись.

Вот так. Уму непостижимо, как можно было объяснить, что она являлась заложницей виртуального мира? Я, значит, писал алгоритмы параллельного мышления, корпел над характеристиками, а кто-то другой программировал им реальность, чтобы спали и видели всякое «про жизнь»... Кроме Джека некому... А теперь, когда тот араб начнёт кромсать им геном, что девчонки увидят в кошмарных снах, превращаясь в русалок? Жуть какая!

– Ты английский говорить можешь?

Я покачал головой.

– Учился в институте иностранных языков – давно, – и на стажировку ездил в США, а теперь подзабыл.

– У-ум, – раздосадовано протянула она, потупившись. – Я не понимаю, почему я учить русский язык... заставил Эндрю... Столько падежей, окончаний тоже много. Не удержать их в голове.

«Солнце моё, – подумал я, – это тебе ещё финский не преподавали... там не семь, а тринадцать падежей...»

Девушка, слабая, точно пробившийся сквозь старый асфальт весенний росток, ещё дрожала. Поморщилась, выказав пренебрежение к пельменям в сметане. Чем кормят андроидов, я понятия не имел. Аппетит не вернулся, заключил я, отыскивая номер телефона службы такси в справочнике.

– Есть у тебя такие – красные... смотри?.. – бледными тонкими пальцами она пыталась изобразить что-то похожее на бублик. – Они не варёные и не жареные. Салат с ними не сделать – фигуру толстый, некрасивый. Понимаешь?

– Примерно. В буфете покажешь – я куплю. Поторопимся! Можем попасть в пробку: много машин и медленно ехать!..

– Rush-hour!

– Точно.

Я оглядел её целиком. Смущённо пропустив взглядом большую грудь, прикинул возможные варианты одежды. Она выглядела вялой, точно варёный стебель спаржи, норвила упасть на диван и проспять ещё долгое время. Силы восстанавливались медленно и неохотно, спина, наверное, продолжала ныть, и голова держалась на шее слабо, падала на плечо, отчего ей пришлось вцепиться пятернёй в волосы на затылке. Сведя плечи назад, и выгнув поясницу, она дернулась, будто кто её укусил.

– Внутри – не понимаю, – пожаловалась она, сдвинув густые чёрные брови. Ощущение такое, что каждое движение давалось ей с трудом. Естественно, её реальностью до сих пор был герметичный покой и контролируемый мир воображения. А теперь, принимая непривычные физические нагрузки нелогичного и грубого реального мира, девушка испытывала дискомфорт. Подняв дерзкий, выпирающий точно полумесяц, подбородок, она неуверенно прошла до окна. На улице темно, и разглядеть ничего, кроме огней фонарных столбов и освещённых окон напротив, не удавалось.

– Погаси... бра!

Я выключил светильник, и Джулис, вытянув шею, ударила лбом о стекло.

– Ауч! – потёрла она лоб и резко повернулась. Волна очень длинных выющихся волос прикрывала лицо наполовину. На фоне широкого окна, в ореоле лунного света темнела её изящная фигура. – Там не Америка.

– Москва. Россия, – пояснил я, изумившись, с какой гордостью произнёс два простых слова. – Мы летим в Америку. На Гавайи. Для начала одежду подыщем тебе. Согрелась? Ну... тепло тебе?

Грея одну ступню о щиколотку другой, она переминалась с ноги на ногу.

– Лучше, но внутри не очень, и спина – тоже, – Джулис включила свет, быстро подошла ко мне. На круглых щеках появился здоровый румянец. – Покупка... люблю шоппинг, – глаза, в которых сочеталось множество цветов, полыхнули азартными искорками, отразив радугу сливающихся оттенков.

Хлопая ресницами, она загадочно смотрела на меня. Что-то во взгляде Джулис меня напугало. Сквозь палитру сияющих влажных радужек, сквозь чёрные расширенные в сумраке зрачки на меня изучающе воззрилось нечто магическое, зародившееся в ней давно, и отвести глаза оказалось непросто.

Скрыв необъяснимый, кольнувший душу испуг, я присел на одно колено, уткнулся в справочник. Джулис, тяжело вздохнув, легла на диван, свесила голову на плечико, молчала. Просто молчала и глядела на меня, но я чувствовал на себе пристальный взгляд. Что происходит с женской душой, когда так смотрят? Не хотелось верить, что это всего лишь аппаратная подстройка портов моей любимой... Непонятно почему пробило мелкой дрожью, и в руках возникло напряжение, будто некая сила, взломавшая мой геном, пыталась управлять на уровне клеток. Так, наверное, разогревается еда в микроволновке. Так, быть может, чувствует себя и растущий, изменяющийся образец-андроид – они тоже летают во снах?

Невольно избегая заинтересованного взгляда Джулис, я нашёл единственное рациональное объяснение: перетерпел сегодня чересчур, перенервничал. Выдаст себя и поёжится только слабак, я в этом был убеждён. Заложив между страниц телефон, деловито собирал сумку.

Зазвонил мобильник.

Сердце ёкнуло, трясущимися руками я схватил трубку. Алексей...

– Да, Лёха!

– Привет, Витёк, как там она?

– Нормально... А кто? – тупанул я.

– Да вот, я сегодня ехал на обед и подвозил влюблённых – Кинг-Конга с Дженни... Ты чего, меня не узнал?

Я промолчал, с трудом соображая, зачем он звонит? Может, меня пытаются засечь?

– Слышь, Витя, не тормози. Я всё понимаю. Тут скандал до небес из-за тебя, но ты молодец, поступил по-пацански. Короче, слушай: на тебя не думают пока – трясут Юхана. Он выращивал твою невесту для своей дочери. Девчонка большая смертельно, и никак не спасти. Винкстрёмы собирались переселить её в это тело, которое ты спёр. Ты уже заметил – она нереально восприимчива, как пылесос «Ракета»? Хотя откуда тебе... неопытный... В общем, денежку, если накопил, с карты

снимать всю не обязательно, сотни четыре баксов хватит – это раз. С бортом в Шереметьево я устрою – явитесь к 2.15 на грузовой терминал. Опоздаешь – убью. Это два. Всё, Ромео, отйоб! Отбой, то есть.

Я глянул на время: 21.20. На душе праздник – Лёха, вот настоящий корефан!

Проститься с Новым Арбатом не составило труда: после Нью-Йорка, ошеломившего меня когда-то, я не сумел привязаться к Москве. Тоски по родным местам словно не существовало: она воспарила, растворилась в ночном прохладном воздухе, смешалась со звёздами в чернильно-синем небе, попала под сильные чары бледно-жёлтого круга луны и не возвращалась на землю. Остались продукты в холодильнике, жидкокристаллический дисплей с крутой акустикой, мебель, недоработанные программы и не реализованные идеи, но сожаление не навещало. Я расставался всего лишь с помещением, где жил как многие люди. Точно заряженные током, мысли мои обшаривали заметки на полях случайной памяти, изошряли способы транспортировки нас двоих через океан без заграничных паспортов.

В двери магазина одежды Джулис вошла впереди меня. Менеджер торгового зала – солидная вумен в светло-фиолетовом костюме и на высоких каблуках – поглядела на мою девушку как на Свету из Иваново.

– Подберите ей что-нибудь для роли, только срочно – массовка ждёт, – небрежно ляпнул я, раскрыв портмоне и вынув карту «Америкен экспресс».

– А кем мы должны выглядеть? – поинтересовалась администратор.

– Пассажирка лайнера, сбежала на Гавайи с бойфрендом от жениха-педофила.

Или мой расчёт на женскую солидарность оказался верен, или менеджеров специально обучают не задавать лишних вопросов. Дама указала примерочную, а сама нырнула между вешалками.

Меня это устраивало. Только моя Джулис осталась недовольна процедурой подбора одежды: издёргалась, тяжело вздыхала.

– Извините, Маргарита, – прочитал я визитку, – нам бы вместе походить, повибирать, пусть Юля вживётся в образ.

Джулис засияла, чмокнув меня в щёку, поспешила к тряпкам. Промчалась мимо дешёвого ширпотреба, словно и не заметив, и с видом опытного товароведа принялась перебирать вечерние женские платья. Менеджер Маргарита понимающе улыбалась. А меня совершенно не устраивало, чтобы украденная невеста привлекала взгляды. И деньги надо же экономить! Мне ведь ещё таможене взятки давать...

– Почему нельзя эту платье, Витя? Ты очень бедный – бомж? Эндрию покупать, что я хотеть!

Джек, зараза подлая! Как мне теперь бороться с твоим глюком, Джулис, девочка моя?

После того, как подбор вещей на моё усмотрение закончился, она раздражённо растягивала воротник серого фирменного свитера, ёжилась: шерсть покалывала грудь.

– Витя... одеть сюда... на них. Понимаешь? Не очень внутри.

Поняв, я беззвучно рассмеялся.

– Не ха-ха! At all...

Чёрные облегающие утеплённые штаны не нравились девушке. Объяснение – дескать, в самолёте холодно – не принималось, как исходившее от меня, не от неё.

– Ум-м! – капризничала она, сжимая губы. – Тут много, – указывала на талию. – Видишь?

Она присела, бока и карманы вздулись мешками.

– Гавайи жарко, нужна лёгкий одежда, надо отдать эту... – но тут же парадоксальным образом поправилась: – А, нет, в самолёт бывает холодно...

– Хорошо-хорошо! – я стёр ладонью влагу, проступившую на лбу. Ты сказала. – Иди, смотри. Я тоже выберу себе что-нибудь полегче.

Она выбирала долго.

– Слушай: мы опаздываем! – бросил я. – Бижутерию хочешь? Ободок для волос? Тебе их рукой откидывать не надоело?.. И кольцо золотое?

– Выбрала! – голубые глаза Джулис вспыхнули. Выражение острого недовольства пропало: девушка излучала тепло утреннего рассвета.

Я никогда не дарил девушкам украшений, поэтому предоставил ей выбор. Исполненная радости и чувства творческой свободы, она выбрала ободок из слоновой кости и кольцо белого золота с крохотным бриллиантом.

– Тридцать пять тысяч, со скидкой, – уточнила продавец-кассир.

– Спасибо, сдачи не нужно – легко отмахнулся я, выложив наличными свой недельный заработок.

Заметив точки запёкшийся крови, я накинул на шею девушке шарф, вымученно улыбнулся работникам магазина и менеджеру, сказал, что хотел бы следовать московской моде.

Недовольство неподходящим нарядом исчезло, будто не возникало никогда. Кольцо красиво сидело на тонком длинном среднем пальце левой руки. Бриллиант, поплёскивающий сотней манящих огней, ласкал, радовал и согревал взгляд. Я был согласен с Джулис: бриллиант на пальчике красавицы лучше всякой одежды.

Тихо сидя в такси, она рассматривала кольцо в разных проекциях: то приподнимая, отводя в сторону руку, то приближая, прищуриваясь. Счастливая улыбка не сходила с лица по-детски наивного и кроткого. В качестве благодарности Джулис опустила голову на моё плечо, погладив по руке, взяла мои пальцы. Пощекотала холодным носом моё ухо и хихикнула, потому что я вздрогнул, как от лёгкого разряда тока. Пощупав мой подбородок, качнула головой.

– Не очень гладко, и волосы – не правильно, слишком много. Эндрю не дарить мне украшения. Я хотеть узнать: кто ты?

Вопрос и обрадовал, и немало смутил меня. Виртуал Эндрю дал слабину передо мной, и это несомненный плюс. А как объяснить, что это именно я навеки угробил её райский мирок? Я ответил, что устал и не могу говорить.

– Я много устала тоже. Много моментов происходит.

Мы улетали глубокой ночью. По лётному полю аэродрома блуждал холодный ветер, ветер дул нам в спину, казалось, подгонял нас. Алексей ждал меня у самых дверей грузового склада, курил.

– Ну как ты, готов? – коротко кивнул он. – Бабосы обналичил? Айда! – Мы втроём прошли в ангар через служебный ход. Сторож отсутствовал.

Лёха переговорил в стороне с бригадиром грузчиков, и нас усадили в тележку на какой-то баул. Кар шустро доставил багаж к «Боингу» с открытым транспортным люком. Неся сумку, два пакета с одеждой, я и Джулис пошли на указанный самолёт.

– Джуниор! – позвал кого-то «бортпроводник №3», принимающий груз по описи и документам, и подал фонариком несколько световых сигналов.

Человек, вышедший из багажного отделения, сопроводил нас на борт. Самолёт внутри походил на чрево кита, что сожрал пророка Иону.

– На той этой... сидеть, а спать? – уныло протянула Джулис. – Холодно тут!

– Времени нет! – только и ответил я, поёживаясь от холода. – Может, у них есть плед или одеяло.

– Не понимать.

– Поднимайся, поднимайся, – подтолкнул я, взяв её подмышку. – Тёплое... накрыться дадут.

Дыхание со свистом вырывалось у неё из горла; лицо излучало столько негодования и злости, что я замер, пребывая в растерянности. Решить что-либо и действовать сейчас труднее, чем писать сложные программы. Шатаясь как маятник, она тянула в обратную сторону, шипела и повизгивала. Её маленькая рука сжалась в кулак, взвилась в отчаянном ударе. Я отклонился. Чей-то негромкий голос, послышался из-за ящиков, упакованных группами в несколько рядов:

– Чувак, тащи её сюда!

Отчасти, мне он помог собрать волю в кулак. Я грубо схватил Джулис за шиворот, затащил девушку в самолёт и крепко держал, пока закрывался люк. Она послушной марионеткой повисла на моих руках. Нервное напряжение исчезло. Лампы испускали мягкий рассеянный свет, который мерцал в огромных немигающих глазах Джулис. Она плакала. Румянец, нагревавший щёки докрасна, сошёл. Почувствовав,

что она успокоилась, я ослабил хватку. Дрожь и внезапная анемия овладели мной. Ноги подкосились; не подавая виду, я отступил на шаг, сдавленно спросил, нарушая воцарившуюся тишину:

– Еда и чем накрыться?..

– Как я могу довести клиентов живыми через полмира без еды и хороших условий? – хмыкнул Джуниор. – Добро пожаловать на территорию Соединённых Штатов! – «бортпроводник №2» подал мне шоколадный батончик.

Джулис протянула руку к знакомой обёртке. Только сейчас я въехал, что она голодна, я ведь обещал купить еду в буфете.

Наш проводник, одевшийся в толстые ватные хаки и длинную серую кофту не по размеру, помимо собственной располагающей манеры поведения не хранил ни капли недоверия в хитрых лисьих глазах. Контрабандный канал надёжен, словно мы для него – груз карго с банковской страховкой. Внешность Джуниора неброская, типичная для белых и чёрных пиндосов, неприятно разве что отсутствие бровей, усов, и волос на голове вообще. Он наклонил овальную, как яйцо, переливающуюся на свету голову и надел чёрную шапку. Пожилой мужчина походил на располневшего после длительного отдыха со шведским столом туриста.

– Сервис не люкс, но чемоданы не жаловались! Я приготовил вам замечательное ложе! Скамейка – моё место. Вы зря возмущались, красавица.

Джуниор объяснял, каким образом дошлые люди устраиваются в Америке без визы на неограниченный период, но я отвлекался на посторонние мысли и почти не слушал. Понимая, что мне не до вариантов, наш словоохотливый Харон сунул мне в руки фотографию с подписью «Лейджелил», отрекомендовав этого человека как хорошего знакомого, привечающего нелегалов.

Выложив небольшую сумму «индейских рублей», я лежал на картоне, припоминая, что когда-то подрабатывал охранником в аптеке и, порвав раскладушку, тоже спал на разложенных картонках. Джулис заснула рядом, между поручнями и ящиками.

«Джей Эф Кей» встретил нас влажным приморским воздухом, в котором витал странный сладковатый привкус, и персоналом с натянутыми улыбками на разноцветных лицах. Джулис, казалось, прорвало; она без умолка болтала с двумя подъехавшими на карах работниками аэропорта, перетаскивающих короба и ящики с помощью компактных манипуляторов. Джуниор, перекинувшись парой быстрых фраз, передал им две купюры по сто долларов. Получил взамен униформу и два бейджика.

Униформа чистая, прохладная, пахнущая душистой травой, прекрасно сидела на мне и на моей девушке.

Американский самолёт, доставивший нас сюда, улетал обратно в Москву, а ценный груз, сопровождаемый Джуниором, немедленно отправлялся в Гонолулу чартерным рейсом. У нас появилась возможность в качестве помощников экспедитора из грузового отделения «Боинга» пересесть в салон С-35 «Лирджет». Удобства для экипажа и пассажиров в нём хоть отбавляй и, несмотря на то, что перелёты я вообще переносил тяжело, и потому чувствовал себя как выжатый лимон, лететь теперь бизнес-классом было одно удовольствие.

Джуниор в статусе нашего «начальника» пояснял по-русски правила выживания американского бойскаута на незнакомой местности. Затем якобы то же самое повторил на английском девушке. Команда рассмеялась от души, а в глазах Джулис сверкнули сердитые огоньки. Весь полёт мне казалось, что они, переглядываясь, шутили надо мной, пользуясь моим слабым знанием «международного языка», донимали Джулис утончёнными непристойностями. Джуниор, потупившись и придав выражению лица наивность, быстро говорил и жестикულიровал: удивлялся, вскидывая брови и, произнося некоторые слова с особым прилежанием, преображал свою речь, добываясь забавного, с его точки зрения, русского акцента.

Среди аборигенов – истинных гавайцев – существовала легенда о Хуле, «божественном огне, расширяющем мир». Она гласила: тому, кто узрел огненное озеро с высоты птичьего полёта, даёт мудрость сама Пеле – богиня огня. Однажды Наигарахо, великий воин, взошёл на высокий вулкан и

наблюдал за извержением малого. Его посетила одна, но мудрая мысль: в долине оказалась погребена под лавовым слоем его старая хижина со свиньёй, толстой старой женой и всеми многочисленными детьми. Наигарахо, мудрый из мудрейших, понял, что богиня огня Пеле, являя свою изначальную силу, Ай-лаау, посылает ему знак – отказаться от семейного счастья и идти тропой вождя, объединяющего племена. Тогда он пошёл к людям, уча их колдовать, исполняя танец огня Хула, и наставляя, что всегда виновен белый человек, потому что он дурак.

– Ты ведь уверяешь, что узрел «живой огонь» с высоты птичьего полёта! – сказал ему один шаман, продавший душу белым за сладкую жвачку. – Но никому, кроме шамана, не удавалось обратиться в птицу!..»

Украдкой улыбнувшись, не ответив шаману, Наигарахо тут же воспылил огнём и дымом, и остался силуэтом, изображённым на камне – петроглифом.

Джуниор рассказывал одну и ту же историю всем, кого перевозил в страну, где и сейчас курится непотухший вулкан.

Самолёт держался не высоко, но на достаточном для безопасного полёта расстоянии от земли.

– Смотри, Ви-итя! – позвала Джулис. – Хули ай-лаау!

Камни, видимые сквозь горячее марево над лавой, дрожали. Выходящие из-под земли газы волновали малиново-янтарную массу. Нагреваясь докрасна, расплавленный базальт моментами будто усиливал кипение и высоко выбрасывал огненный гейзер, рассыпавшийся, как салют. Лавовое озеро в кратере Мауна-Лоа представляло собой ни с чем не сравнимое величественное зрелище: через подвижную сеть ярко светящихся зигзагообразных трещин, разделявших чёрные участки подстывшей лавы, озеро норовило излиться наружу. Из трещин вылетали золотые искры, прорывались светящиеся фонтаны быстро застывающей лавы.

Кипящая масса базальта поднималась, словно дрожжевое тесто в опаре. Вот-вот «божественный огонь» выберется из храма-жилища Пеле – хейау, – где она одновременно молится в танце богине сил дикой природы – Лака, – и сердится на Полияху, богиню снега, свою вечную соперницу, что своими чарами усыпила самый большой в мире вулкан Мауна-Кеа. Другой вулкан, по имени Килауэа, приходился единственным

сыном Мауна-Лоа и представлял собой уступ на его склоне. По древней легенде, бессмертный Мауна-Лоа приходился отцом всем существующим на Гавайских островах вулканам – детям, отправившимся на поиски счастья, а Килауэа пожелал остаться с отцом до конца времён. Сейчас они действовали сообща. Слившиеся «дымокуры» имели форму опрокинутого щита, образованного из волн застывших слоёв чёрной лавы. Широкие края трещин, расколовших опрокинутый волнообразный щит, покрывали снежно-белые дымящиеся налёты гипса. Вокруг некоторых кривых шрамов, бороздящих такую необычную поверхность вулкана, возвышались бесформенные фигуры; вытянутые и подкошенные уродцы состояли из наплывов и комков застывшей лавы, когда-то выдавленной из трещин. Из отверстий в вершинах этих причудливых «мундштуков» вырывались струи пара. Оставшись позади, Мауна-Лоа напоминал разъевшегося вросшего в землю гигантского ежа, на выпуклой спине которого клубились белым паром кривые иголки.

Внизу моросил дождь – дно и края впадины окутались облаками тёплого пара.

– Ва-ау! – алые губы Джулис вытянулись, как бутон розы. Девушка обняла меня, с открытым ртом наблюдавшего рядом. Завораживающим видом из иллюминатора смыло утомление перелётом у нас обоих.

Тёмный, казалось, бесконечно продолжающийся пологий склон Мауна-Лоа покрыло множество раскалённых капель. Через образовавшиеся от газа и чудовищной вибрации отверстия выбрасывались мощные красные потоки. Из окна самолёта виднелись языки лавы, со скоростью железнодорожного экспресса проходящие по суше огромные расстояния. Достигшие кипящего моря, они медленно застывали навеки, расширяя острова.

– Столько лавы! – отойдя от окна, Джуниор разминал пальцами виски. – Эта гора, считая от самого океанского дна, повыше Эвереста!

Напряжение перелёта через несколько часовых поясов всё-таки напомнило о себе.

– В некоторых местах «Островов мечты» лучше не появляться. Лейджелил предупредит вас. Он занятой человек, но дождитесь его обязательно, не ищите приключений!

– Что? А-а, – я отвлекся, изумлённый. – Подождём, прогуляемся. В банках меняют русские деньги?

– Русские – нет, но я по знакомству смогу разменять вам сколько-то.

Вынырнув из лёгкой пастилы облаков, самолёт снижался медленно и плавно, райская голубая лагуна манила завораживающе, словно топазовые глаза Джулис, и ласкала взгляд сочными красками.

Самолёт вновь набрал приличную высоту. С высоты полторы тысячи километров сквозь лоскуты облаков остров Оаху представлялся необитаемым. Тёмная извилистая линия горного хребта Коолау точно ленивой змеёй протянулась по зелёному морю растительности. В бухте Канеохе, меж двух длинных выступов, вдававшихся далеко в океан, ждали пропуска несколько грузовых судов. Они, как уставшие на жаре черепахи, томились в ожидании отдыха в тени. С громадного, похожего на пустую баржу, по очереди в воздух поднималось множество точек. Вероятно, проводили учебные вылеты на вертолётах. До посадочного полотна аэропорта оставалось минут двадцать, уточнил проводник. Я, не отрываясь, глядел в иллюминатор. Один из испаноговорящих работников заигрывал с Джулис: показывая ей фотографии из своего бумажника, обнимал её одной рукой, но девушка что-то сосредоточенно выписывала в моём наладонном компьютере, почти не отвлекаясь.

– Я сделать часы сейчас... время – правильно! – улыбнулась девушка и, отогнав недовольным взглядом навязчивого испанца, снова увлечённо нажимала на клавиши компьютера.

– Да-да... – рассеянно ответил я. – Переодеться надо.

От причала стремительно отделилась группа парусников – пёстрая, как стайка экзотических аквариумных рыбок, – и вскоре яхты вышли из моего поля зрения. Откуда-то из густой кудрявой растительности, окружающей два высоченных горных пика, что облачились в белые шапки, выплыл воздушный шар. Глянцевая шёлковая материя шара, тросами разделённая на дольки мандарина, переливалась на солнце оранжевым огнём.

Мы приближались, и картина острова прояснилась: серые камушки увеличились, превратившись в здания военных объектов базы ВМС Перл-Харбор. Миновав открытую стоянку,

ангары военно-воздушных единиц, наш грузовой самолёт шёл на посадку в аэропорт Гонолулу. Впечатление складывалось такое, что люди и здания возникли как молния, напитав влажный жаркий воздух запахами цивилизации. Группа истребителей, беззвучно мелькнув в моих глазах, оставила ровные пористые полосы вспененного воздуха.

– Кухня Хавай – хороший место для релакс!

Шум реактивных турбин только сейчас глухо прозвучал в моих ушах.

Описав полукруг, три «Орла» высоко поднялись, исчезли, воткнув в облако пористую стрелу реактивного следа.

Добросовестный международный жулик, Джуниор отнёсся к нам как к родным: пояснил, где можно бесплатно получить страховой полис, перечислил наиболее цепкие на этой территории болезни, напомнил про карту города, посоветовал приступить к изучению английского языка, если мы собрались пробыть на островах долгое время. Скептически скривившись, я кивнул.

– Учебник на русском... В. Д. Аракин – неплохое пособие. Тем более, у вас будет иностранный учитель!

– I speak good English. – вспомнила Джулис, опустив блеснувшие лукавством глаза. – Выход, выход!..

– Документы, где?.. – недоверчиво спросил я.

– No problem! Получите на выходе из аэропорта. Моя визитка потребуется? Берите на всякий случай. И помните: жёлтая лихорадка трудно переносится.

Терминал аэропорта Гонолулу заполнили контейнеровозы, фуры, пикапы и фургоны; между ними суетились электрокары, шустрые компактные штабелёры непонятных конструкций, с вилками и крюками, бригады торопливых разномастных грузчиков в мокрых от пота майках и закатанных под самые бёдра штанах с опознавательными знаками в виде зелёных линий. Несколько военных в кепках и солнцезащитных очках «обнохивали» содержимое грузов тройкой проворных натренированных псин. Мاستиф, чёрная длинношерстная овчарка и рыжая такса деловито тыкались носами в каждый ящик, короб или тюк. Их чёрные ноздри беспрерывно раздувались, втягивая запах указанного груза. Уши взлетали вверх острыми стрелами и поворачивались, словно локаторы.

– Ф-фу! Псиной несёт! – я сжал губы. Аллергия на собак у меня с детских лет; появилась, когда однажды пёс хорошего знакомого обслонявил новый папин «системник», который я любил рассматривать сквозь увеличительное стекло.

– What a?..

Псы, отфыркиваясь, брезгливо повели носами. Военные напряглись, им пришлось проверить данный груз. Подозрительная коробка была вскрыта и досмотрена. Отыскав протухшую крысу, солдаты рассмеялись. Отшучиваясь и подталкивая собак к зловонной плоти, крепкий кудрявый негр с покатыми плечами, улыбнулся Джулис, которая на миг замерла.

– Чего встала? – недовольно сказал я, чихнув. – Ну и ну! Задохнуться можно. Уходим, скорее!

Джуниор, помахав на прощание рукой, удовлетворённо коснулся нагрудного кармана, где лежал расчёт за его услуги. Подошедший к нему офицер в форме авиации ВМС США был встречен дружеским кивком, и кое-чем ещё – совсем недавно я назвал бы это своей заначкой.

Мастиф внимательными глазами оглядел меня с головы до ног. Под испытующим взором собаки я пошатнулся. Если нас остановят, и обнаружится, что мы нелегалы, и что моя спутница не совсем человек... Оскалив зубы, псина молча дёрнулась в мою сторону, потянув сжавшуюся в кулак руку военного.

– Come on, stupid dog? I'm sorry, buddy, I don't know what's wrong with it!?

Я пожал плечами, забросил сумку на спину и слегка сгорбился, чтобы придать себе вид обычного пассажира.

Для моего сердца не нашлось больней занозы, чем мягкий женский голос. Я сопротивлялся, как мог: делал вид, что не слышу, ускорял шаг, или, внезапно оборачиваясь, отвлекал внимание девушки на магазины и всякую местную экзотику, завёл её в шоп и купил одежду для жары – длинные, словно надувные, бермуды, и просторную блузку-безрукавку со шнурками по бокам.

– Витя, я устать долго ходить. Мне хотеть сесть. Руки болею: зачем несла старый одежда, два пакеты?

Мы проделали немалую дорогу пешком – от аэропорта я не решился добраться до места на такси. Уговаривая девушку идти пешком, я тем самым невольно напрашивался на странные жесты и не менее непонятные телодвижения, например: обнять её или поправить волосы, завязать сзади на бантик приобретённые шорты. Алая шнуровка на безрукавке сбоку постоянно растягивалась – то ли под весом груди, то ли потому, что девушка, оттирая пот со лба, случайно задевала её рукой. Миновав кольцевой бульвар на улице Saint Bremor, обсаженный красными кустарниками, она оторвала шнурок вовсе. Если бы её грудь была чуть больше, то наверняка бы вывалилась из образовавшегося декольте, а так – только дерзко топорщилась, сдерживаемая тонкими краями прорези безрукавки. Она шла в сланцах, поэтому жаловалась на покалывание стопы через тонкую подошву.

– Такой вот маленькая иголка... тонкая и не очень хорошая внутри ноги. Посмотри!..

Джулис надела солнцезащитные очки, уселась на пакет, протянула правую ногу. Выжидаясь воззрившись на меня, достала воду в тетрапаке. Прикладывая горлышко к губам, она неотрывно наблюдала за моими действиями

– Здесь... как? – надавливая пальцем на гладкую стопу, уточнял я, шурясь от огромного яркого солнца; мой озабоченный вид вызывал у неё улыбку.

– Нету... Может, выпала?

– Не видно... чтоб тебя! Вставай, пошли!

Потрясающий факт – люди, проходившие мимо, совсем не обращали на нас внимания. Девушка провела «анестезию стопы» в холодном ручье, выбивавшемся из мелких камешков, рассыпанных по газону, на который принесли рассаду цветов. Хохоча и разбрызгивая воду ногами в меня, она оживилась. «Страна свободы» реально была ею: хоть бы кто мимоходом посмотрел на неё и покачал головой!

Потрясающие экзотические растения гармонировали с каменными постройками, в которых искрились бриллиантами маленькие стёкла окон. Гудящая тень напозла на дома, задрожала, пробиваясь лучами солнца, извиваясь, точно змея – где-то рядом на площадку приземлялся частный вертолёт.

У подножья бело-серо-коричневых каменных высоток собралась шумная толпа. Безликой волной она подталкивала местного скалолаза-любителя обогнать другого – того, что уже преодолел четверть расстояния, держась за канат и забираясь по выступам окон. Пластмассовая бутылка с расплескавшейся водой, выпавшая из кармана, показывала, в каком сильном напряжении находился лидер «гонки». Гул толпы или хлопок вылетевшей пробки шампанского послужили стимулом для местного скалолаза, я не знал, но увидел, как быстро тот закарабкался по второму канату, свисающему с крыши...

Парнишка-негритёнок в коротких шортах забрался на пальму в саду и сбросил тёмно-коричневые кокосы, до зелёных не смог дотянуться даже хворостиной. Посидев на дереве, о чём-то оторопело подумав, он резко схватился за губкообразное гнездо папоротника-эпифита, вымахавшего прямо на плотном шатре из пальмовых листьев. Просовывая босые ноги меж листья и ветвей и не находя поверхности, он вскрикнул. Слезть не получалось, поэтому он огласил окрестности местного даунтауна испуганным криком.

– Витя – помощи! – с надеждой провозгласила Джулис.

К счастью, мне геройствовать не пришлось. Полицейский, подоспевший к изгороди сада на двухколёсном электросамокате, говорил по рации. Пару минут спустя к месту происшествия прибыл некий механизм, мягко жужжащий, словно аквариумный насос, раскрыл W-образную металлическую лестницу, проложив спасённому любителю чужих орехов путь к земле. Парнишку, напуганного и рыдающего, аккуратно снял влезший по трапу полицейский. Исполнив долг, приставив руку к виску под широкополой соломенной шляпой с ленточкой, полицейский вернулся на пост.

А так жизнь в чертовски великой гамме красок Гонолулу текла размеренно: никаких пробок на дорогах, никакой суеты, лишь весёлые детские голоса... То у одного магазина, то у другого – супермаркета – периодически открывалась отполированная до блеска колонка пожарного гидранта, и шланг выплёвывал холодную воду на раскалённый асфальт площадки, где резвились дети. Стоило работнику забыть гаечный ключ на шестерне колонки, и дети превращали в мокрых цыплят не только своих гладкошёрстных питомцев, но умудрялись

«спасать от жары» и туристов. Попав под мощную струю, я даже обрадовался, протёр очки сухим местом шорт и подождал новую порцию. Не скрывая радости, Джулис тормознула около меня и тоже приняла водяной удар. Мы стояли и наблюдали за малышнёй. Проезжавший мимо мороженщик, остановившись на обочине, весёлой музыкой отвлек детей.

В витрине супермаркета отражались парень с босоногой девушкой, то есть я и Джулис – мокрые до нитки, мы ели клубничное мороженное. Два стройных и крепких кудрявых сёрфера – близнецы – переходили дорогу. Их золотистые костюмы отливали на солнце. Перенося натёртую воском доску подмышкой, они ослепительно улыбались окружающим.

– Посмотри... какие кул гайс!

– Да, гейс, скорее всего, – не поняв, ответил я. – Неудивительно.

Повсюду райские пейзажи, яркий свет, дарящий земле тепло, а людям приятную усталость.

Жаркий воздух у блестящих вымытых витрин вибрировал, создавая миражи. Казалось, толстое стекло вот-вот расплавится, потечёт на расчерченную белым дорожку для велосипедистов, заезд на которую Джулис прикрыла своим великолепным упругим станом. Она, согнувшись до асфальта, перебирала что-то в пакетах с одеждой.

– Пропусти людей, а?

Прижав девушку к себе, я позволил группе велосипедистов проехать мимо нас.

– Оу, – игриво подалась вперёд Джулис, хотела завалиться на меня, но я оттащил девушку с дороги.

– Видела, там... стройматериалы торчали из кузова. – Я указал на грузовую машину. – Могли задеть.

– Я ценить ты!

На лужайке – ковре из мелкой мягкой травы – мы отдохнули в шезлонгах под раскидистыми кущами деревьев, их стволы напоминали множество сросшихся гладко вытесанных досок. Прячась от солнца, в тени кучковались приятно пахнущие растения, ветви которых походили на длинные широкие иглы; на них селились серебристо-синие ворсистые подушечки мхов. Джулис дотянулась и ошмыгнула между пальцев одну такую ветку, облизала липкий сок.

– Я не знаю, как это по-русски... название.

– Ничего. Необязательно знать.

– Знаешь, что? Ты – малоговорительный. Мне нравится человеки-загадки... понимаешь?

– Очень приятно, – кивнул я, улыбнувшись. – Ты мне тоже очень нравишься.

– Правда? Я чувствовать это мало... – пожаловалась она.

Поведя плечами, я уклонился от заинтересованного взгляда Джулис. С загадочной улыбкой она коснулась липкими пальцами моих губ. Я, расслабившийся и закрывший глаза, не сразу понял... Резкий запах заставил сморщиться:

– Ты!..

– Сок сладко, Витя. Пробовай.

– Не хочу.

Девушка демонстративно обсосала пальцы, а я, отвернувшись, нахмурился.

Солнце сквозь сито листвы ласкало взгляд, прохладный ветерок навевал лень. Встать и покинуть сладкую тень райских куц оказалось страсть как трудно.

– Куда? – повысил я голос, не успев поймать за пакет.

Она спряталась в густых зарослях, а когда, хихикая, вернулась, попросила осмотреть натёртое место на внутренней части бедра, мол, испытывала неудобство из-за грубой ткани штанов. Да, с такой подругой не заскучаешь!

Но в целом девушка вела себя спокойно. Бывало, останавливалась, щупала асфальт, оглядывалась на аборигенов, что-то спрашивала. Потом, срываясь с места, спешила меня обнять, затопить в потоке благодарности, щебетала по-английски. На Гавайи она не путешествовала ни разу.

– Я не из-за денег с ты, – уверяла она. – У ты нет масклз и кожа не шоколад, но ты я нравиться взри! Я учить русский много!

– Я тоже учить английский немало! – замученно отозвался я, поразившись тому, что голос прозвучал, сипло, словно из уст чужого человека, с одышкой.

Попеняв на гавайский воздух, душный жаркий и с непонятным привкусом, я успокоился. Не хватало кислорода: воздух, казалось, нагревшись в лёгких, осел липкой массой на дне и вот-вот заполнит грудь целиком, и тогда будет совсем не продохнуть. Откашлявшись, я не освободился от чувства недостаточности кислорода в лёгких. Ладонка Джулис плавно

опустилась на мокрую, прилипшую от пота к спине майку, погладила, затем сильно хлопнула меня между лопаток.

– Теперь лучше? Я знаю про это из... просто знаю... делать так, когда что-то застревает внутри.

Уставшие от ходьбы по жаре, мы расположились под сенью низких пальм, отбрасывающих длинные тени на дорогу, свалили на сумку пакеты со старыми вещами, упали на них.

В кафе напротив, на открытом воздухе, группа папуасов в набедренных повязках из больших широких листьев устроила концерт в честь изображённого на стенде осьминога. Засмотревшись на вибрирующую туго натянутую кожу барабана с рисунком, похожим на герб родного Омска, я не заметил, как передо мной поставили сок в удивительной ёмкости, походившей на незрелый кокос с толстыми колочками.

– Гуанабана... пей, Витя! – от удовольствия Джулис урчала и сладко жмурилась, похожая на ленивую кошку. – Я закажи, тебе нравится!

Прохладный сок, вкус которого напоминал коктейль из клубники, манго, корицы и ананаса не утолял жажду, а наоборот, усиливал.

– Чересчур сладкий, маслянистый, – оценил я, потеряв покрасневшие плечи и шею. Негритянка, поднёсшая рагу из мяса, кабачков и других нераспознаваемых овощей, заметила резкую красноту моих плеч. Обратившись к Джулис, посоветовала вызвать такси. Мы так и поступили. Не в силах спрятать от яркого света слезящиеся глаза даже под затемнёнными стёклами очков, я ехал с закрытыми глазами. И вообще чувствовал себя весьма скверно – тепловой удар!

Выбравшись за черту города, таксист завернул на металлический мост, выводящий на дорогу вокруг горы Каала. По её причудливым покрытым зеленью уступам алмазными осколками спадала струя водопада. Только теперь, вдали от влажной жары низовий, мне стало полегче; в открытое окно авто я ощущал на лице свежий приятный бриз. Над круглым озером, глянец поблёскивающим в громадной чаше выветрившейся скалы, кристальная пыль заволокла изумрудные кроны тропических деревьев. Шофёр, смуглокожий, с чёрной вьющейся шевелюрой, напоминающей шар из губки на эстрадном микрофоне, рассказывал Джулис о каких-то своих «тараканах». Скаля белые крупные зубы и выпячивая толстые

как пироги губы, водитель толковал о ценах, установленных на рынке, непомерных для рядовых гавайцев. Привожу его речь в пересказе:

– Никогда не берите ничего в супермаркетах сети «Гаент» или «Шоперс». Возишь, возишь целый день туристов, а потом придёшь и наберёшь искусственной жратвы, от которой растёт вес! В этих магазинах самую дрянь сбывают, что даже псы не едят – только свиньям в корыто. Водный рынок есть у мыса Кахуку. Увидите, куда плывут лодки, туда и вы гребите. Спросите Улуи Сернера... чёрт, фамилию пришлось сменить... Мой отец вам предлагает настоящую рыбу, мясо, овощи. Есть даже курительная трава высшего качества.

Огибая каменные углы, изборождённые корнями, точно венами, таксист перебирал события из истории штата, по своей воле примкнувшего к США, по его мнению, совершенно не улучшившие жизнь на островах, предназначенных для райского отдыха и нетяжёлой работы. Приводя примеры из жизни своих предков и родственников, доказывал девушке, что без выносливости и силы простых людей пропадёт любой урожай, не соберётся мешок кофе, не наберётся корзины ананасов, не вырубится и трёх фунтов тростника. Вычислив, что я по-английски немного понимал, он стал меньше корить белое население, но всё-таки пропустил пару колких фраз. Джулис, усмехнувшись, искоса поглядела на меня, задумчиво рассматривавшего красоты тропиков.

– Я – Раел Сернер! – как бы невзначай сказал шофёр, подметив необычный интерес девушки к своим рассказам, и бесцеремонно всучил ей визитку.

На лавовом грунте боги взрастили тропические чащи красивейших в мире деревьев, а ушлые янки их вырубали, выжгли под плантации тростника, понастроили контор и за гроши вербовали рабочих. Кто бы мог подумать, что Сернер совсем не поклонник команданте Че, а всего лишь хотел произвести впечатление на мою девушку! Где-то внутри я начал размышлять об этом, но головокружение и жар с трудом допускали любые доводы.

– Кокосовые пальмы, принадлежащие коренному населению – мне, моей семье – теперь собственность американского дяди, и япошек всяких, и китайцев и филиппинцев! Нас совсем не осталось, три четвёртых гавайцев –

приезжие отовсюду. Всяких чужестранных зверей завезли, растения не наши, болезни. Богов чужих! Наша природа радуется глаз и душу, а превратилась в чужую собственность, в заповедник, проникнув в который, ты, местный, преступаешь закон. Военных объектов много. Один только остров как остров – Ниихау. Он тоже частная собственность, но пускают туда только коренных. И разговаривают по-человечески, только на гавайском.

Мой отец теперь только помнит, когда росло сандаловое дерево. Лесорубы выкосили всё, вывозили древесину на рынок в Китай... Из-за аромата, можете представить? Всё у нас было своё, настоящее. А теперь... Заболел и пришёл к врачу, а тот дал таблетки! Вернулся и жалуешься на другой недуг, а тебе выписали больше всякого яду. Так и зачахнешь, не зная от чего, глупый человек! Травы лечебные когда-то знали многие, а теперь секрет лечения – достояние немногих лекарей из нашего народа... да и те вспомнят об их целебном действии – за доллар! А народ травят нарочно: жгут тростниковые поля, чтобы урожай повышались, а у людей обостряются лёгочные болезни, аллергия. Всё для дохода! Прав старина Маркс.

Да, я разбираюсь в политэкономии, и книги читаю. Что остаётся делать? Не поглощать ведь бездумно химические пирожки! А вы думали, туземцы как нигеры, получают образование на улицах? Нет, ошибаетесь! Я закончил колледж имени Харисона в Нью-Джерси, и работал в нём некоторое время. Знаете, что я там понял? Да ни черта не понял, вот как! Вернулся на родину и развожу туристов.

Сейчас грамотные люди зарабатывают другим способом... да вы как с луны, ребята, свалились? Хорошие связи – полдела, остальное – коммерческая смекалка; удачная спекуляция обеспечивает прибыль живее и легче, чем возделывание садов и плантаций особенно. Народ очень наивный, знаете ли?! Что касается религии, то никогда мы не исповедовали ни католицизм, ни ислам, ни, тем более, иудаизм и конфуцианство. Океан их смывает волной или сожжёт лавой, мы подождём... Будь им неладно!.. – он резко затормозил.

Водный поток с горы выбил осколки камней и хлестал через дорогу, словно из брандспойта. Корни, кое-как препятствовавшие росту трещины, оголились и, омытые, походили на желтоватых огромных червей.

– Не первый раз! Подземное давление тут выгоняет воду неравномерно. И хоть бы кто пожаловался? Пока сам каменщиков не вызовешь, никто не придёт!

Выждав момент слабого напора, таксист надавил на педаль газа. С победным криком Сернер бросил тачку сквозь холодную воду, затем надолго замолчал.

Придорожная закусовая-магазинчик заманивала путешественников указателями «Heaven`s Hill». На каждом щите красовалось изображение бизнес-ланча и количество оставшихся ярдов.

«Небесный Холм», притаившийся среди древовидных папоротников, был закрыт. Висевшая на дверях табличка, указывала время, в какое собирался вернуться владелец. Я приуныл, пройдя вдоль невысокой папоротниковой изгороди заднего двора, выходявшего на каменную площадку, дальше начинался отлогий подъём в гору. Вокруг ни души.

– Давай в гостиницу. Не смогу я ждать тут!

Джулис пояснила моё желание, и Сернер отвез нас в ближайшую недорогую гостиницу. Пожалев болящего меня, или свои несбыточные фантазии, он посоветовал девушке верный способ лечения от всякой хворобы, который, судя по бурной реакции, пришёлся Джулис по душе.

Заплатив за несколько дней вперёд, я подсчитал финансы, установил, что больше трети накоплений незаметно улетучились. Я не был жадным человеком, относился к деньгам точно к средству достижения благ – и только.

Джулис увидела, что в гостинице «шведский стол», и словно ошалела: тащила в рот всё, что попадалось под руку, не обращая внимания на чопорных матрон, поражавшихся такой невоспитанности. Они пытались привлечь моё внимание к неподобающему поведению девушки, но мне было стыдно, я лишь пожимал плечами, рассеянно глядя по сторонам. Джулис, быстро прожевав, заявила, что «шведский стол» – её любимое мероприятие. Вдогонку яствам она проглотила абрикосовый сок с мякотью. Плоский живот Джулис теперь выдавался, но от этого она не делалась менее привлекательной.

– Витя, иди сюда! Тут люди знакомиться!.. – она потянула меня за руку.

Две дамы преклонного возраста, близняшки, в светлосиних сарафанах, тоже увлеклись чревоугодием, не используя вилки и ножи. Одна, Клер, с причёской, похожей на двойной узел, в который воткнули золотистую спицу, расправившись с брокколи, изящно держала кремовое пирожное двумя крохотными пальцами с пёстрыми длинными ногтями, и мило улыбалась. Другая, Фейри, медленно поднесла ко рту, к бледно-красным пухлым губам, ломтик белого мяса. Узнать их можно было по родинкам на щеках: лицо Клер белое от пудры, без родинок, а на левой щеке Фейри сквозь пудру виднелись несколько крохотных точек.

Стараясь держаться смело, обыкновенно, я поклонился:

– Хай, ледис!

– Ваш английский довольно неплох! – похвалила Клер, выставив напоказ ровный ряд мелких идеально белых зубов.

– Олрайт, – улыбнулся я.

Беседа между нами оказалась короткой и неловкой, но приятной обоим сторонам. А вообще – не беда: Джулис радостно болтала вместо меня. И, наверное, раз женщины приятно удивлялись, высоко вскидывая брови, рассказывала интересное. Судя по выражению лица девушки, она хвалила меня и немного сердилась одновременно. Чёрные точки на её спине и шее ни у кого не вызвали удивления. Татуировка, если что... вот на руках и ногах следы уколов настораживали бы. Наконец, взяв у новой знакомой, с родинками, визитку, Джулис пояснила мне, что на острове Гавайи популярен клуб под названием... она не знала, как озвучить по-русски.

– Там хорош еда... есть, сколько хочешь, и смотреть интересные... вещи.

Запомнив короткое название клуба на английском, я решил узнать у Фейри, пусть не дословно, но какой всё же смысл в его посещении. Я говорил с трудом, но понимал английскую речь, однако Джулис звала знакомиться с официантом, который, оказалось, посещал тот клуб, и неизменно оставался доволен тамошним эксклюзивным сервисом.

Вдруг подавившись креветками, она выкашляла их на скатерть стола и, оглядев смущённые лица окружающих, едва не заплакала. Я не знал, как принять такое событие, поэтому просто похлопал её по спине. Прижавшись подбородком к

моему плечу, Джулис только теперь заплакала, некрасиво зашмыгала носом.

– Some bad events passed away, everything gonna be ok, if you help her to relax!.. – подмигнула дама в сиреновом сарафане, переведя многозначительный взгляд на её подругу, засмотревшуюся на чернокожего красавца-официанта.

Мы «по легенде» не были женаты, поэтому снимали двухкомнатный номер, с душевой и общей лоджией, с которой открывался вид на пальмовый сад с бассейном. Лучшего способа расслабиться не находилось, чем...

– Нет, приму душ один, не надо мне помогать, – отказался я, приложив силу к двери, чтобы Джулис не вошла.

Охлаждая разгорячённое тело под струями прохладной воды, я приводил себя в норму. Мысли клубились в голове точно клочья тумана, не давали сосредоточиться. Хорошо хоть не свалился в постель от перегрева!

Внизу, в баре, есть алкоголь! – вспомнил я. – Надо бы грамм полста, для здоровья.

Энергично сгибая и разгибая руки, увеличил приток крови. Напряг, как бодибилдер, мышцы рук, груди и вытянулся в струну, гордо задрал голову. Посмотрел в зеркало на своё белое щуплое и слабое, блестящее от воды тело. Я похудел?!

И что с того? Всегда мечтал быть стройным. Но тут меня внезапно скрутил приступ тошноты. Желудок сводили спазмы.

– Нахватался всякой заморской гадости, не переваривается ни черта!..

Тень мелькнула в пролёте между дверью и полом – Джулис прошла мимо... или решила подслушивать?.. Выключив воду, подождал, но ничего осторожного дыхания за дверями не уловил – лишь грубоватый голос из радиоприёмника о чём-то монотонно рассказывал. Я вытер себя полотенцем, оделся. Открыл скрипнувшую дверь, осторожно высунул голову, огляделся. Никого. Прошёл в комнату Джулис.

Она сидела на бледно-зелёном покрывале на кровати, поджав ноги, обхватив руками. Прямые лучи света через открытое окно без штор падали на её тело. Недовольное выражение лица говорило моему невеликому опыту о

приближающейся грозе, но ярости как таковой не проявилось. Казалось, она смогла запереть гнев глубоко внутри, но нет, надвинувшись и привстав мне навстречу, Джулис упала ничком на кровать и всхлипнула. Открытая зарумянившаяся под солнцем спина покрылась мелкими капельками пота.

Чего это? Когда я до смерти её обидел? Или это сбой... потому что она робот?

Не двигаясь, она повернула голову, искоса посмотрела на меня, а я застыл на пороге, не находя рационального объяснения происходящему. Волосы её свесились набок, прикрыли одну сторону лица. В другом, неприкрытом глазу Джулис сверкал гнев, перемешанный со страхом. Что-то с досадой пробормотав себе под нос, она снова села и, подобрав ноги, с ледяным безразличием заняла прежнее положение. Перемена в чертах Джулис породила горячий комок страха в моей груди, ладони повлажнели, словно у воришки.

«Проявишь страх и потеряешь власть» – отозвалось у меня в голове.

Взгляд Джулис как-то непонятно замерцал.

– Что, Витя? – ослабевшим голосом спросила она. Слова, точнее отзвук, созданный отступающими волнами тревоги, повисли над моими ушами; и почему-то смысл этих слов никак не протиснется внутрь головы?

А что, собственно, «что?» «Что стал, как истукан?» Или «что тебе от меня нужно?» Наверное, вначале ожидалось первое, но, судя по теперешней бледности и вялости, уже второе...

Не дожидаясь ответа, девушка тихо опустилась снова на кровать, легла на бок и перестала мучиться непонятно чем – уснула. Я тяжело вздохнул, и на душе стало противно. Повернувшись, я потащился мимо неё на лоджию как полураздавленный жук. Вина разбирала сердце: я грубое тупое животное! Я не имел права истязать чувствительную девушку! Обида, омрачившая наши отношения с Джулис, казалось, овладела моим сердцем, и отстукивала свой неприятный ритм внутри моего тела. Я переживал: «Проклятые подростковые комплексы! Молодой, здоровый, талантливый учёный, а без алкоголя не способен сократить дистанцию... тряпка что ли!»

На лоджии, помимо пары шезлонгов, журнального столика, пары-тройки тенистых кустиков в кашпо обнаружился

и небольшой холодильник. В холодильнике – только пластиковые ячейки, в которых можно заморозить воду. Я вышел в коридор, машинально снял со стены трубку внутреннего гостиничного телефона, набрал первый пришедший на ум номер и, подивившись стойкости привычки, сердито и гулко вложил трубку обратно в аппарат.

– Как я поговорю с кем-нибудь? – спросил я сам себя. – Моя девушка меня не хочет, придите, помогите?

Поймав за спиной взгляд, я обернулся. Она, придерживаясь за стену, вяло разглядывала меня.

– А-а, Джулис...

Словно очнувшись от летаргического сна и потеряв силу, девушка опустила на пол:

– Что с я происходит? Никогда так долго не оставаться, где хочешь?! Раз – ты в Плимуте или... Помнить я где-то... Витя... помнить: ты я откуда взял? Такие большие вот стеклянные!..

Обдумывать ответ было некогда, и я обронил:

– Профилактика от болезней. Ты ведь из богатой семьи и... находилась в барокамере.

– Я болезней? У я богатый семьи, но не очень богатый. Я помнить, давно... доктор сказать может умираю... и папа-мама давал я пить витамин и укол. Говорить я теперь «поправляйся девочка». Я много везде, где мечтать... там хорошо, и Эндрю, и колледже, анд фрэндз. А потом стеклянные большие... барокамере? И ты... больно!

– Я спас тебя, Джулис. Тебе никто не говорил, но доктор, которому твоя семья заплатила денег, иногда держал вас в камерах, не только чтобы лечить. Он – ненормальный, хотел подарить вас одному тоже «не очень». – Я покрутил пальцем у виска, удивляясь способности выдумывать на ходу. – С ним лучше не встречаться. Теперь ты никуда от меня не денешься, не покинешь внезапно, понимаешь? – я проводил её до кровати и, сел рядом, не решаясь обнять.

– Чувства я – не понять. То таки, то други!.. Эндрю тоже говори, что я никуда не идти, не потеряться с ним...остаться много время и ничего...

– Обещаю, ты со мной надолго!

– Надолго – нет. Хочу не знать, когда я не будет с ты, понимаешь?

– Ты и не узнаешь.

– That`s great, Vitya! – усевшись мне на колени, закрыла глаза.

– Душ свободен.

– Ок!

Человека, которого мы едва застали на пороге придорожной закуской, было трудно узнать по фото. Жёсткая бахрома серо-стальных волос лоснилась на солнце, лоб индейски обвязан тесьмой, и за неё воткнуто у виска белочёрное перо. Лицо расплелось и приобрело плутоватые черты.

– Mister Лейджелил? – протянул я визитку, взятую у Джуниора. – Плиз!

Глаза прищуренные, расставленные широко, неприветливо обвели нас, утомившихся хождением на жаре. Жилистые крепкие загорелые руки прижимали к себе прикрытую синей материей корзину. Покрутив головой, словно пытаюсь избавиться от мигрени, он открыл дверь и пригласил войти.

Свет, озаривший помещение тесноватого торгового зала, сумевшего вместить прилавок да несколько столиков, пробудил огромного пёстрого попугая в клетке. Клювастая голова повернулась одним глазом к входу:

– What`s up, old chap?

– Бывало и получше! – к моему сожалению, ответил индеец по-английски. – Алоха!

– Ало-оха! Ало-оха!

Гавайской жизнерадостностью, общительностью, особым интересом к посетившим его «интуристам» Лейджелил похвалиться не мог. Об этом однозначно говорил его усталый вид, с которым тот бухнулся на стул напротив холодильника. Мой, обыкновенный вроде бы, взгляд удивил и рассмешил его одновременно. Убрав корзину под прилавок, он спросил с лёгкой усмешкой:

– The man doesn`t speak English, right?

Джулис неопределённо кивнула.

Толкнув дверцу клетки мощной рыжеватой лапой, на плечо индейца перебрался по руке попугай. Оставляя следы от ноготков, прошёл к уху и, наклонившись, будто клонул. Индеец

кивнул, отрыгнув, и заговорил с девушкой, которая, забравшись в мою сумку, вытащила паспорта и дала ему. Лейджелил подержал в руках документы, пролистал, прочитав наши имена и данные, глянул отметки, потом потянулся к холодильнику, достал из холодильника пару шарообразных плодов, указал на уборную.

– Клив, респект – фрукты помыть там...

– Хорошо.

Вытерев со лба пот, индеец включил кондиционер. В помещении со стеллажами, полными блестящих жестяных банок консервированного сока, холодной маринованной закуски в дорогу и спиртных напитков стало прохладней. Включив гриль, он зажарил сосиски, сделал длинные большие хот-доги, приправив их чрезмерным количеством кетчупа и корейской морковки. Попугай по имени Алоха бродил по столу и раскрывал клюв, показывая чёрненький язычок.

– Are you hungry, old chap?

Морковку, нарезанную песчинками, и семена Лейджелил насыпал на стол и, глядя как ест попугай, казалось, наслаждался тоже.

Джулис расспрашивала хозяина закуской: интересовалась работой и вообще жизнью на Гавайях. Её тонкая любопытная натура знала, с чего начать разговор и как продолжить, как извлечь из собеседника нужные сведения. Глаза девушки чутко удерживали контакт: увеличивались, мигали, награждая за словоохотливость, и сочувственно гасли, когда индеец, теряясь в плохих воспоминаниях, опускал взор. Лейджелил, разговорившись наконец, прогнал с лица хитроватое недоверчивое выражение, с каким нас встречал. Поглаживая попугая по гордой голове с хохолком, он даже проявил нежность к питомцу: надул щёки и взъерошил тому перья.

– Stop it! – скрежетал Алоха, пряча голову под лапой.

Лейджелила мы застали, оказывается, по счастливой случайности: в тот момент, когда он собирался, закрыв заведение, отъехать к своей семье в долину. Тут подвернулись мы – пара доверенных знакомого, Джуниора. На нас он смело мог оставить и свой маленький бизнес и своего большого пернатого компаньона. Работа не требовала особых талантов, как пояснила Джулис. Вытащив из тумбочки для нас

безразмерную стираную одежду, хозяин пожелал нам успехов на поприще гавайского повара и официантки. Я обрадовался: мы вдвоём, у нас правильные документы, легальный заработок – повезло! Конечно, я не представлял себя пекущим шаурму в горах, но для начала неплохо. Индеец добавил кое-что по-английски – девушка отреагировала заинтересованно, и жест «ок!», проделанный пальцами, возвещал о данном ей Лейджелилом обещании.

– Не верить он в своя женщина. Она может с друг мэн, – позже объяснила Джулис. Я пожал плечами.

У Лейджелила совершенно не оставалось времени. Сказав, чем должны заняться в первый день пребывания на островах, индеец выпроводил нас, а сам закрыл заведение и, с корзиной в руках, двинулся в гараж. Туристы, решившие было передохнуть в закуской, недовольно поплелись дальше.

Гавайи – родина орхидей. Я убедился в этом, подойдя к саду местной больницы. Со стороны холма, на котором располагалось маленькое синее здание обсерватории, словно волнами накатывались огороженные деревянной белой изгородью кустарники орхидей. Их огненные стебли и венчики, золотистые, пурпурные, белые и цвета пасмурного неба, сливались в один яркий, живой ковёр.

За Джулис замечались странные поступки, обнаруживавшие пламенный темперамент, но в данный момент её поведение меня порадовало: девушка вела себя как самая примерная леди в мире. Никаких выходов и тем более заявлений по поводу моего равнодушного поведения в отношении её, такой раскованной, красивой, страждущей. Энной суммы хватило, чтобы нас обоих привили от жёлтой лихорадки и, получив временный полис, я только сейчас обнаружил, что имя, с которым ко мне обращались врачи, новое. Джулис как умела, переводила:

– Лечение через полис – конец три месяца. Виза столько идёт!

Насытиться до отвала в гавайской кухне – вторая мечта Джулис на сегодня, первую она последовательно расписала в моём наладонном компьютере. Не выказывая ни малейшего интереса к еде после длительной прогулки, я чувствовал, что Джулис теряла терпение. Из примерной американской

школьницы она на короткое время, словно оборотень, перекидывалась дьяволицей. Вскрикивала и тормозила меня не столько для того, чтобы заставить измождённого непривычной жарой и духотой спутника выслушать полезное замечание, сколько из женской необходимости потренироваться управлять вниманием мужчины. Ну, и хотелось, конечно, просто прикоснуться ко мне – тоже способ поселиться и жить в моей психологической «интимной зоне» – оставаться привлекательной. Она всё-таки видела во мне «сильный пол»!

Сама доверчивость, девушка воспринимала и весь окружающий мир как идеальную поляну, на которой каждый мог развернуть покрывало для пикника. Наверное, то, что я не собирался немедленно соглашаться, было для неё отчасти неправильным и новым впечатлением. Хотя, неужели подругому вёл себя с нею виртуал Эндрю?.. Информационная реальность андроида сильно отличалась от действительности... и мою Джулис это обижало!

Вдруг, оступившись на ровном асфальте, она упала, сбила колено. Кровавая ссадина стала поводом обвинить меня – недовольное выражение лица, сменилось гримасой отчаяния.

– Что я могу сделать? Сама не аккуратная. Идёшь как... непонятно что!

– Что ты говорить такое? – вскинулась раненая. – А ты... ты... – Щёки мгновенно запылали румянцем. Вспоминая плохие русские слова, чётко выдала одно. Пусть оно не являлось очень плохим, но меня зацепило. – Я слышала ты в душе... так!..

– Какая ты вредина! – бросил я стыдливо. – Пойдём, наешься, наконец!

Наверняка путешественники, бывавшие на Гавайях, отдавали должное гавайской кухне, прославленной дарами океана. «Ломи-ломи» из рубленного сырого лосося, «Лау-лау» – рыба, или свинина на пару – как ни пытался, не смог определить я, «Опакапака» из розового люциана... Не любитель острой пищи, но красный лук и меня не оставил равнодушным.

Я не разговаривал с ней – меня бесили её капризы. Она отреагировала, как ребёнок: бросала на меня злые взгляды, губы надуты, лицо побагровело. Нормальный взрослый человек стал бы так себя вести? В непростых чувствах мы с подругой добрались до гостиницы.

А вокруг кипела жизнь, и радостное настроение у гаитян называлось словом «Алоха». Это слово входило в наименования многих местных компаний, и даже красовалось на гавайских автомобильных номерах – «The State of Aloha».

Мои обожжённые солнцем плечи приняли бронзово-красный цвет, покрылись лёгкой зудящей сыпью. Прикоснуться к ней неприятно, и Джулис специально шлёпнула меня, вышедшего из душа, по плечу, и тут же, всхлипнув, попросила прощения. Я заорал от боли, а юная змеюка обиженно толкнула меня в спину, пронзила залпом двух голубых блестящих ракет. И по тому, как она замерла, встав прямо и грозно, я понял, что моя малышка приготовилась к чему-то из ряда вон выходящему. К перебранке, драке, крику, к чему угодно, только не к миру. Существо, проснувшееся в ней, «готовилось к прыжку», но удаления для него словно не хватало.

– Витя, я не... не... Ты потому что – никакой!..

Манера Джулис общаться с другими людьми в моём присутствии, изумительно проявившаяся в её диалогах с Джуниором и компанией, с таксистом Сернером, и с хозяином закусочной, индейцем по имени Лейджелил, со мной наедине превратилась в раздражённые выходки. Она от своего создателя – чёрт побери, от меня же! – получила особый дар: постоянно открывать в себе новые мотивы удивления и раздражения окружающих. Я даже предположить не мог, каким кошмаром обернётся мной сочинённый «креативный блок»! Всё то, что послужило самообучению машины, теперь оформилось в настойчивую личность девицы с непростым характером.

Мы оставались с ней наедине, но словно находились в разных комнатах – сомнение и горечь разочарования нас пожирала изнутри. В отличие от меня, девушка не умела и не хотела скрывать свои чувства: слова её обиды, доносившиеся из той, во всех смыслах «другой комнаты», скользили мимо, мои слова лежали мрачным валуном на дне реки её красноречивых излияний. Ни у меня, ни у неё не было опыта реальных долговременных отношений пары. Различие холостяцких понятий о ролях, о том, как кто обязан себя держать, как поступать, какие совершать маневры по отношению к партнёру, или оказывать знаки внимания «половинке» – всё это побуждало нас к конфликтам по любому смехотворно малому

поводу, но чувства нас обоих приковали друг к другу неотрывно.

Я ничего не делал, просто жил – терпел и ждал, но измотал и тело, и рассудок. По телу после её очередной истерики разливалась ядом муторная слабость. Всего трясло, дыхание с визгливым хрипом вырывалось из груди. А руки дрожали, точно у солдата, отбившего вражескую штыковую атаку. Я прилёг на минуту, чтобы забыться, наконец, потом подойти да обнять её, сказать, что сейчас приму пару рюмочек...

Проспал остаток дня и ночь, а ранним утром картина замечательного безмятежного пейзажа за окном – бассейна на фоне ярко-зелёной растительности, мгновенно поблекла: Джулис не оказалось в номере... не нашлось её и внизу. Оставалось отчаянно ждать и мучиться предположениями.

С исчезновением девушки время остановилось, а тоска, печаль и негодование едкой примесью повисли в тяжёлом гостиничном воздухе и придавили меня к кровати.

Звонок, раздавшийся в кромешной тишине, поднял меня на ноги, прогнал воспалённое воображение: необходимость срочно действовать, делать что-то простое и знакомое, всегда успокаивает.

– Ю шуд кам! – сразу ответил я, понимая, что по телефону объяснить не смогу.

– Wait!

Консьерж принёс мне карту города. Ткнул пальцем в точку, где находилась девушка, написал адрес на бумагу. Дал практичный совет... неужели в любой части мира жест «посолить» значил – предложение денежных средств?

– Сенкью! – ответил я и попросил: – Тэкси.

В полицейском участке под названием «Gregory`s County» никто не улыбался и не сидел без дела. Бизнес-ланчи из «Макдональдса», пицца, обеды на вынос, а также пончики и пол-литровые стаканы кофе поглощались на месте по причине избытка работы: в зале на скамейках люди сидели в наручниках среди охранников, которые запрещали им вставать. Глаза работников, делавших учётные записи, едва открывались, слезились, а пальцы неохотно перелистывали папки с делами. Укрывая зевоту ладонью, они посматривали на время: смена заканчивалась. Стоял глухой шум постоянно работающего копировального аппарата, раздавались телефонные звонки,

приходил факс. Пройдя по коридорчику образованному охранниками, я встал перед толстым стеклом кабинки освободившегося от бумаг офицера.

– Ай нэу англиш, бат нот ту гуд ту андестэнд ситьюэшн!

Чувствуя, что никак не вспомню новое имя девушки по паспорту, сказал:

– Гёрл... – внешность я описывал не очень подробно. – Ай эм хё бой.

Внимательно выслушав мой спич на ломаном англише, офицер подозвал сотрудника, задержавшегося у копира. Тот проводил меня и, открыв дверь, впустил в коридор, затем в одну из больших комнат, где, прижав руки поясницей, на узкой скамейке пыталась заснуть Джулис.

– Ви... Клив! – обнадёженно воскликнула она, бросившись в мои объятия.

– Что ты натворила?

– Не спрашивать! – стыдливо пряча лицо, заплакала девушка. – Я... Я не могу тут быть!

– Как вносить залог?

Джулис, повеселев, уточнила сумму залога за причинённый обществу вред.

– Тысяча долларов и пятьсот.

– Да... – вымученно улыбнулся я. – Так мало!..

Подписав бумагу новой фамилией, я, наконец, получил девушку на поруки. В офисе нашёлся чернокожий человек, кое-как объяснивший «предположительно по-русски», что, как пел В.Высоцкий, «в милиции делала моя с первого взгляда любовь».

– Проституция в малому вици и злодейство в магазини. Йэ програми для перевиховання, як вони називатися?..

– Дякую, друг щирый, не нужно! – ответил я негру.

– До побачення... – улыбнулся он, вернувшись за стекло.

Как будто ничего не произошло! По крайней мере, Джулис не давала ни малейшего намёка на событие, осевшее в моей голове непонятным пятном. Она вела себя спокойно, естественно, казалось, от этой выходки ей полегчало. Я не выдержал и, не скрывая гнева, спросил:

– Ты ни с кем не успела... злодейка магазинная?

– Нет, Витя. Я делать это для ты, чтобы ты не испытывать плохой чувство. Не понимаешь, да? Я тоже – много не понимать! Давай работать вместе?

Чувство безумного притяжения к ней во мне проснулось ещё в Москве, когда глядел на капсулу со спящей в зеленоватой мути девушкой, но только сейчас я ощутил его прочность. Всё перемешалось: и любовь, и желание, и ревность, и непонимание поступков. Её чистоту и наивность я ни на что не променял бы, поэтому был готов сносить любые выходки Джулис снова и снова. Смирившись, я только вздохнул.

В номере царила тишина, лишь плавно изливал сухую прохладу кондиционер, а затем до моих ушей донёлся шелест воды из душевой. Капли прекратили разбиваться об пол, послышался скрип крана. Она вышла, а мне показалось, что только зашла.

Я решил восстановить нервы и долго не пьянел, поэтому в итоге выпил изрядно. Зашвырнув пустой штоф на лоджию, в заросли, глянул на часы своего наладонного компьютера – прошло почти сорок минут.

– Вот какой храбрый! – сказал я себе под нос, усмехнувшись. Заглянув на последнюю страницу электронного блокнота, исчерченную желаниями Джулис, я ничего не смог разобрать самостоятельно, и тупо перевёл через «Prompt». Повисев чуть-чуть, система резко выдала мне свой неуклюжий вариант дословного перевода, и тут же мини-комп издал звук, оповещающий пользователя о разрядке батареи. Слава Биллу Гейтсу: в розетке стоял переходник на евростандарт!

– От стыда-то не покраснеешь? – пьяно расхохотался я, представляя себя в различных ситуациях, расписанных девушкой.

– С кем ты говорить? – нетерпеливо отозвалась Джулис из другой комнаты.

Робко присев на кровать в одном халате, она спрятала мурое лицо.

– Ты что, детка, твой секс-мэн пришёл, – пританцовывая, я чувствовал себя неотразимым мачо. Наклонившись, полез целоваться, обниматься.

Побагровев, она наморщилась, стала чихать, шмыгать носом.

– Что с тобой? Вот я! Давай, крошка!.. Заводи меня! Бесо
ме, мучача!

– Витя... – громко высморкавшись в салфетку, девушка растерянно поглядела на меня. Сверкающие в расчерченных светом торшера сумерках синие топазы выражали что угодно, только не удовольствие. Испуг, страх и пелена отчаяния наполнили на них вместе с влагой. – Не понимать – плохо и тут и там. Ноуз – хрр...

– У тебя аллергия, что ли... на меня конкретно?

– Не говорить так, Витя!

Заметавшись по кровати, она всхлипнула:

– Не получится!.. Нет. Эт ол!

Зарывшись лицом в подушку, Джулис колотила руками по покрывалу, глухо плакала. Я обозлился и рывком развернул её на спину, убрал не высохшие волосы с лица девушки. И замер в нерешительности: лицо Джулис сардонически улыбалось, а глаза застыли, покрылись стеклянной пеленой. Приступы кашля, казалось, заставили её ноги дёрнуться и сильно лягнуть меня в грудь.

Свалившись на пол, я ударился головой и точно провалился в густую серую воду. Белые волны воздуха набежали, облизали, обдав жаром. С трудом выбравшись на невидимую поверхность, с которой просматривалась панорама московского Кремля, я увидел знакомого таксиста – Илюху, который стоял в «карманном местечке» на остановке «Мавзолей казака Гудвина». В руках он крепко держал монтировку, указывал на Кремль, на летящего над ним человека, похожего на меня.

– Витё-ок, из кабалы заморской, мерзкой, да? – из носа Илюхи выдувались противные пузыри соплей. Человек курлыкнул, зеркально раздробился, как метеорит, размножился и полетел клином, оставляя позади в синем небе клубящийся след.

– Ты молодец, что выбрался к нам хоть ненадолго! Смотри: опять двуглавого орла сменяли на масонские звёзды! Я чувствую себя хорошо... убил вот этим ломиком жидовку... – глаза Илюхи превратились в два злых алмаза, чем-то он напоминал Юхана. – Масонский символ, знаешь? Нет!... Циркуль – брелок?.. При мне вытащить ЕГО в моей машине,

значит огрести по полной... тебе ведь знакома она?! Я про масонку. Бабку ненормальную, она притворяется!..

В изумлении рассмотрев окружающие предметы, я понял, что лежу на кровати. Девушка, как две капли воды похожая на дочку моего бывшего шефа Юхана Винкстрёма, в халате, сидела на полу, откинув голову на разодранную точно когтями гостиничную подушку.

– Так... примерно понимаю, что со мной случилось?! Ух, голова... – болезненно вздохнул я, трогая большой синяк. – Не надо алкоголя, понял!..

Спина болела так, будто меня по ней не раз отходили палками.

– Ты не пить такое вообще! Я не знаю, что реакция такой сильная. Прости, Витя.

– Хватит пускать нюни, прекрати. Раздражаешь – хуже некуда!

– Что значит?.. Лейджелил телефон говори. Завтра утро – быть при работе!

Закивав, я повернулся на бок:

– Принеси льда в полотенце, попить чего-нибудь... и постирай свою одежду!..

Лейджелил Арем был человеком занятым, поэтому его пришлось ждать. Мы сидели на спортивной сумке, затем полулежали на зелёном мхе в тени, сползшей с каменной стены. Тень от скалы до обеда грозно увеличивалась, набросившись на пустой беззащитный магазинчик, но тот выстоял, и теперь пристыженная послеобеденная тень медленно отступила с дороги в долину.

– Ты вылакала свою колу целиком и хочешь допить мою? – возмутился я. – Если прождём неизвестно сколько?.. Да на ты... на! Прогуляйся... Я не кушал, куда тянешься? Мой бургер!..

– Ну...

– Ешь ты, на!..

Хозяин закусочной всё не появлялся, и сотовый телефон молчал. Не ловит здесь, что ли? Стемнело.

Вдали, покрытые густой тёмно-зелёной порослью от подножий до вершин, ребристой стеной высились горы Коолау. Огромная луна затопила безбрежным светом неострые зубцы. Окутанные туманной лунной пылью, они походили на башни сказочной старинной крепости, что выстроили великаны. Живописное экзотическое место – где-то тут снимали сериал «Остаться в живых». Наверное, бункеры в кино самые настоящие.

На фоне залитой серебром долины, чуть поодаль от невысоких тупых вершин, тропический лес темнел мыском треугольной формы. Поперёк долины шли ветроупорные могучие деревья, и часто ветер с океана, застревая, гудел шатрами их листвы. За искусственно насаженной лесополосой – особняк губернатора: здесь, под охраной вулканов и военных, чиновник чувствовал себя в абсолютной безопасности.

Деревья, земля, горы, особняк губернатора застыли, иссушенные лунным сиянием; безмолвные и мёртвые в ночи, они навевали грусть. Колыхался на проникших туда холодных воздушных потоках лишь американский флаг, подсвеченный одиноким прожектором... Ни тебе плеска реки, ни дымка костра с запахом ушицы... Тут не надо даже защищаться от мошек, комаров, оводов – скука мертвецкая!

– Ты что, Витя? – Джулис вернулась, возвратив бумажный пакет и пустую бутылку. – Лицо такое... вот!.. Я оставить ты «ам-ам».

В пакете ещё «оставалась в живых» добрая половина гамбургера, но есть не хотелось.

«Дождж» нашего работодателя объявился только после заката.

Припарковавшись у закуской, Лейджелл устало выбрался из машины. Сама непосредственность, Джулис, выскочила из тени и набросилась с упрёками на индейца:

– Oh, my God! – и далее по смыслу... Минуты две она буянила, словно была дочерью неистовой Пеле, хозяйки всех вулканов в округе.

Судя по голосу, тот извинялся за опоздание. Обыкновенно сдержанный, индеец словно проснулся – рукоплескал, перебрасывая блестящий взгляд с меня на девушку, сердито воткнувшую руки в бока. Казалось, Лейджеллилу не хватало духа семейных сцен, и поэтому он позволял ей говорить на

повышенных тонах. Джулис оторвалась на нём за всё наше вынужденное дневное безделье.

Поместив нас на матрасы, лежащие на полу в одной комнате, индеец взгляделся в моё исказившееся лицо:

– With so good girl!..

Я пожал плечами.

Он позвал меня в другую комнату. Пригрозив пальцем, что-то сказал непонятное – даже не на английском. С чего он взял, будто так я лучше его пойму? Но я на всякий случай согласно кивнул. Неужели мне следовало реагировать как-то иначе? Похоже, в обычае здесь были вещи, как будто не подвластные моему рассудку.

Вернувшись, мы перенесли DVD-плеер и телевизор в комнату Джулис, а матрас – в другую, ко мне. Девушка, выбежав из душа с кислой миной, встретила в коридоре Лейджелила. Тот показал несколько дисков, ухмыльнулся. Как ему удалось успокоить её? – поразился я, выглядывая из своей комнаты.

– Tomorrow I will tell you guys about job, – сказал Лейджелил, положив на скамейку в коридоре два белых аккуратно сложенных полотенца.

– Ок, – подмигнул я, направив на него указательные пальцы обеих рук, так же, как делал Джек.

Ночью я проснулся от духоты и лежал, ворочаясь, без сна. Поднялся, наощупь отыскал пульт управления кондиционером, но скоро потянулся к нему снова, чтобы выключить. Замёрз.

Решившись выбраться под открытое небо, я пожалел: по земле сновали неизвестные, пугающие размерами и формой тропические насекомые. Чудовища-инсекты на крючковатых ходулях бродили по парапету мраморного фонтана, забирались на пластмассовые столы и стулья кафе ти-гарден, висли на стены и москитную сетку, с грохотом скатывались с крыши, раскачивались от ветра на листьях-ветвях древовидных папоротников. Какие-то жуткие крупные пауки плели свои ловчие сети меж толстых губкообразных стволов. Всякое желание ночевать на природе при виде этого сгнуло у меня навек. Я ещё заметил, как в земле, посыпанной гравием, образовалось небольшое отверстие, из которого показалась уродливая вытянутая морда со странным носом. Существо резко выпрыгнуло из норы и начало гоняться за пробудившимися

обитателями площадки. Пузатым, большим и медленным «по жизни» фатально не везло.

Проследив, чтобы твари не пролезли внутрь дома, я захлопнул дверь, подумал: «Эх, хорошо у нас на севере, в благоустроенных домах! Но как они тут в хижинах живут?» Захотелось пить – холодильник находился в кухне. Старый пол в коридоре под ногами скрипел, поэтому пришлось идти на цыпочках и держаться у самой стены.

Индеец спал в кресле, положив ноги на прилавок. Его громкий храп разбудил Алоху, и тот, выйдя из клетки, потрепал клювом хозяина за короткий рукав рубашки:

– You got crazy, chap!

Лейджелил не реагировал, и возмущённый попугай сильно ущипнул хозяина за плечо. У того спросонья вырвались резкие слова.

Я поспешил к себе в комнату. Дверь к Джулис закрыта, но внутри работал телевизор. Подслушивать нехорошо, но я не удержался: звука почти не слышалось.

Длинные лучи утреннего солнца отражались в мозаичном орнаменте потолка, яркими пятнами поблёскивали на картине, где изображался разграбленный индейский посёлок и горящие жители. На стуле, придвинутом почти вплотную к моему матрасу, девушка разложила нехитрую косметику – навела макияж. Глядя больше на моё спокойное дремлющее лицо, чем в зеркальце, она положила загоревшие красивые ноги на матрас возле подушки.

– Не спишь. Нравится?

Надев очки, я рассмотрел ногти на ногах девушки, окрашенные в малиновый цвет с лиловыми полосами. Ага, соответствует характеру.

– Да, неплохо, – обычно с утра мой голос звучал однотонно и равнодушно, но сейчас я придал ему живость.

– Завтрак, а ты спать.

Мне пришлось подняться – она попыталась заглянуть под покрывало. Сев на матрасе, я закутался в одеяло, отходил ото сна, украдкой посматривая на сияющую Джулис. Волосы она гладко зачесала назад и стянула на затылке в строгий узел.

– Тут нравиться ты тоже?

На узкие миндалевидные ногти рук нанесла узор из разноцветных орхидей.

– Целовать красивые руки, – попросила она.

– Если очень хочешь...

– А давай, давай!.. – звонкий и радостный голос поднимался из её груди, точно из чистого горного родника, выпуская на волю смелые фантазии юности. И пусть некоторые из них звучали на английском языке, но сильную волнующую душу и тело вибрацию я чувствовал.

– Давай... попробуем поработать вместе.

Ангельское лицо, казалось, светилось изнутри. Бледно-красные губы весело сложились бантиком. Только сейчас я заметил три крохотные родинки на её зарумянившемся плече. Плавная линия Млечного Пути будто сошлась в её тонкой талии, коснулась крепких бёдер, на которые медленно опустились руки. Она стремилась поделиться вспыхнувшим в груди бесконечным источником вдохновения со мной. В это позднее утро она выглядела действительно потрясающе. Звёзд, мерцавших прошлой ночью над хаотически движущимися существами, солнечных лучей, поселившихся в моей комнате, дыханий свежих ветров, рождавшихся из тёмно-синих небес океана, не хватило бы, чтобы описать Джулис.

Лейджелил, оставив на расходы крупную сумму денег, своё перо, наказал следить за попугаем. В этот раз индеец покидал магазинчик-закусочную на неделю. Он о чём-то серьёзно толковал Джулис. Девушка уверенно кивала и, приставив руку к сердцу, отвечала: «Ок!» Как они быстро нашли общий язык?! Прямо родные.

Я недоверчиво наблюдал за ними из кухни. Сняв с вешалки чистый фартук, расправил его, обтянул свои узкие бёдра, провёл тесёмки вперёд и за спину, но завязать на ошупь, не вышло – Джулис помогла.

Пока керамический чайник накалялся на плите, мы вышли на свежий воздух, на зов Лейджелила, который лопатой закапывал нору ночного охотника на насекомых.

– Менехуне! – ругался он. Менехуне – это гномики такие, пакостливые.

Его хрипловатый голос растормошил дремотную атмосферу площадки, кишевшей в прекрасный утренний час рогатыми улитками.

– God saves somebody who thinks about the night spending on the fresh air, – вымученно улыбнулся индеец. – Damned creature... doesn't take my present! – Подняв коробок, закрыл его, бросил в урну.

Присоски здоровенных, как на картинках в ботанической энциклопедии, улиток намертво прилипли к пластиковым столам и стульям. Отрывая их, Лейджелил ругался по-своему, по-индейски: липкую слизь приходилось оттирать специальным средством.

– That's your everyday work.

– Ок, – согласился я.

Погрузившись на свой бледно-зелёный «Додж», индеец распрощался и отчалил.

В людях мне нравились обаяние и приветливость, но оценивал их я за поступки. В каждом движении девушки, жесте или словах угадывалась тихая радость. Она совсем не напрягалась, чтобы вести себя как подобало. Никаких выходов, дерзостей.

Войдя на кухню, Джулис шире открыла окно. При этом ничем не уцепила меня, даже не шлёпнула по ягодицам. Что с ней? Приклеив на холодильник примерное расписание посетителей – туристов из долины или любителей дельтапланинга, сообщила о приходе третьей работницы, которая будет стоять за прилавком.

«Ах, да: я обещал, но не помню, что именно!» – мысль покалывала кончики нервов, оставляя на них частички страха.

– Ты – порядок? – вдруг спросила она.

– Да, конечно, – не сразу ответил я.

– Не волноваться, я думать, что много уметь... это про готовить есть и другое там аутсайд.

Введя названия блюд меню в электронный словарь мини-компа, я получил дословный неуклюжий перевод. Обследовав холодильник, мысленно собрал имевшиеся ингредиенты и поразился скудности предстоящего обеда.

В кухне витал душистый аромат печёного теста, а от ананасного сока, пролившегося в духовке на противень, распространялся приятный кисло-сладкий вязущий аромат.

Встав на каменный бордюр клумбы, любопытная Джулис заглянула на кухню. Пока одна моя рука отбивала кусок курицы на доске, другая орудовала в сковороде деревянной лопаточкой, переворачивая в шипящем масле рыбу. Белые бока румянились, вызывая прекрасный аромат. На другой сковороде завивались прожаренными краешками аккуратно нарезанные полоски бекона.

– Не знала я ты готовить еду хорошо.

– Не подглядывай, – двумя пальцами я ущипнул её за нос.

– Заказала учебники?

– Через пять дней, может позже.

Гости – туристы, стремящиеся обозреть долину с вершины Каала – шумно подходили к магазину.

Она суетилась точно мышка, чую запах оставленных чипсов «Lays». Измождённые жарой, страждущие еды и питья, посетители нетерпеливо ждали за столами. Дети играли в мяч и, не рассчитав, запустили его в долину. Даже до моих ушей, перекрывая шумное шкворчание свинины, доносились детские всхлипы, которые родители стремились успокоить обещаниями купить новый – потом, а пока поиграйте в лото. Пожилой толстосум, американец, предпочёл компании одиночество – он сидел за столом в полном сосредоточении погружённый в собственные мысли, попивал охлаждённый ромово-ананасовый напиток пина-колада... никто не пытался разделить с ним столик.

Джулис порхала между столиками, резво выполняя заказы. Приглашение провести с кем-то из них свободное время Джулис воспринимала неопределённым кивком или неконкретным ответом. Кое-кто осмелился предположить, что повар, время от времени бросающий любопытный и немного рассерженный взгляд, её бойфренд. О происходящем она, смеясь, рассказывала мне, вынося из кухни заказы. Так прошёл первый в нашей совместной жизни трудовой день, в хлопотах по кухне и по обслуживанию посетителей.

Удивительно, но мне даже понравилось это занятие, словно я открыл новую черту характера. Уход от одной сферы деятельности целиком погружал в другую. Экспериментируя с продуктами, я даже записал рецепт новейшего мною изобретённого блюда. Джулис помогала, но иногда не хватало ингредиентов. Наконец творческие возможности по созданию

гавайских блюд из продуктов, бывших в наличии, достигли предела. Пришлось запустить мамин фирменный «заморский» проект – «акрошька а-ля зибир». Ничего, что вкусовые качества гавайской колбасы отличались от характеристик марки «Омского бекона», однако огурцы, зелёный лук, салат с петрушкой и редька почти такие же. Хвала японской кухне, популярной на Гавайях. Плохо, что на территории пятидесятого штата Америки не находилось кваса, но минеральная вода заменила недостающую составляющую окрошки.

После презентации американской публике этого необычного вида овощного рагу, я заметил туристов, пытающихся выведать секрет блюда. Они с интересом расспрашивали о рецепте вкусного холодного супа Джулис, но девушке секрет не был знаком, а я совсем не выглядел простачком в глазах «промышленных шпионов». Кстати, неплохим получился борщ из маринованной капусты, болгарского перца и ананасов.

Во второй половине дня начался дождь... настоящий ливень с грозой, со страшными раскатами грома, отдававшимися эхом. Каменные стены громады Каала дрожали, осыпались пылью мелких камней. Над ними стало небезопасно, поэтому водители, находившиеся на дороге в момент разыгравшейся стихии, спешили припарковаться у магазинчика, ну и перекусить заодно, дабы прогнать страх, напущенный гневом прародителя людей Кане-Хекили, творца Земли и обоих Небес, громовержца. Коренной житель считал укрытие под крышей от священной влаги кощунством: маленькая чёрная фигурка застыла в молитве под выступом скалы «The reflection of Kane's bared teeth» на фоне полилоувешего неба.

Третьей работницей «Heaven's Hill» оказалась та самая «неблагонадёжная» женщина Лейджелила – Соэра. Её обтянутое дождевиком из прорезиненного шёлка тело действительно держало прекрасную форму, и это внушало уважение к обладательнице фигуры. Неопределённого возраста, она не уступила бы двадцатипятилетней леди. Наверняка нездешняя – красивые жёны аборигенов должны быть полнотелы, как хавроньи. Кокетливая манера общаться с посетителями, глубокий мелодичный голос. Соэра излучала безграничное радушие. Теплота, исходившая из недр её существа, казалось,

согревала промокших гостей, добавляла им ощущения уюта. Кстати, превосходно дополняла мою подружку Джулис.

– Вы не помните своих родственников? – спросила она толстого, как сарделька, немца, блондинистого, с кислой физиономией. – У кого из них голубые, как море, глаза?

Мимолётно её немигающий томно переливающийся желанием взгляд пронзал очередного гостя.

– Возможно, у вас старинные корни. Говорят, что у кого такие замечательные голубые глаза, тот видит тайные помыслы другого человека. Вода, знаете ли, многое помнит, и на многое способна! Если цвет океана отражается в глазах, то человек перед вами очень достойный, благородный и, быть может, даже видит других насквозь, как шаман.

Белобрысый немец был приятно ошеломлён.

– Вы пройдите... – добродушно улыбнулась она, загадочно опустив глаза. Образовавшиеся в уголках очерченных углём глаз необычно красивые ямочки приковывали внимание. Лёгкий нездешний акцент её, и пальцы, унизанные золотыми кольцами, невольно примечались очень многими. – Перекусите. У нас чудесный повар. «Okro-shka», «Borsch» вы ещё нигде не пробовали?

– Второе пробовал... дедушка... в России... ему тогда не понравилось. А первое – никогда.

– О-о, – мечтательно закатила она глаза. – Вундербар!

От дождя столики на улице укрывал раскладной пластиковый прозрачный навес над площадкой. Гостей заведения в эти таинственные сумерки охватывало необъяснимое чувство спокойствия, примирения с природой, испортившей путешествие. Плотный стук больших капель по крыше и редкие раскаты грома не вносили даже малую кислинку в ванильно-шоколадную атмосферу, созданную женщиной Лейджелила.

– Вы не слыхали легенды о природе Островов мечты? – удивилась она.

Соэра повествовала, стоя за прилавком, а посетители, наострив слух, тихо сидели, даже забывая жевать, чтобы не хрустело в ушах. Утоление голода для них, переживающих дождь в «Небесной гавани», превращалось в духовную трапезу литературных гурманов. Да, рассказывать истории эту удивительную женщину упрашивать было незачем. В запасе у

неё имелось неистощимое обилие секретных ингредиентов неповторимых блюд необыкновенного обеда.

Подшло время как бы невзначай заплатить за предоставленный кров и пищу. Поражённые в самое сердце искусством слова, манерой движений, эффектной внешностью Созры, гости с удовольствием опустошали свои кошельки и кредитки.

– Еврочеки... да вы богаты, сэр!.. На Гавайях, к сожалению, недействительны.

Отчаяние, лёгкий испуг, поднявшийся из бездонного омута души, отразились в глазах американца.

– Ничего, сэр. Сейчас...

Звонок по сотовому куда-то в главное отделение «BB&T» – и гость, спасённый, обнадёженный, проговаривал номер счёта.

– Вы слухайно, дама, не знакомы с искусством гейши? – поинтересовался низкорослый японец.

– Я слышала, видела и читала... – тихо, изменившимся голосом и почтительным наклоном головы она выразила уважение к возникшему интересу японца. – До настоящих мастериц, владеющих столь изящным искусством, мне много учиться. Возраст, видите ли...

– Нет-нет, вы прекрасно выглядите!

– О, спасибо. Как ваше имя?

– Нода Ичиро!

– Ичиро-сан, – поклонилась она. Её руки сдержанно опустились до колен.

Созра была европейкой лишь по месту жительства, свои очаровательные черты она получила по наследству от матери полинезийки и мигранта отца – ирландца, влюбившегося в темнокожую трудолюбивую красавицу. Острый подбородок, скуластое лицо, курносый нос и широкий лоб – наследие Полинезии, а хитрый загадочный взгляд фиалковых глаз, желание скрыть явное и многое другое – досталось от авантюриста из Ирландии. Короче, Созра выглядела как цивилизованная дочь Татарстана.

Но чувственное тепло в ней, вызывающее бурю восхитительных эмоций, могло предательски вильнуть, разразиться холодным дождём и ветром, секущим молодую листву неопытных напыщенных юнцов и чересчур уверенных в себе богатеев. Лейджелил, мужчина Созры, мог догадываться,

что не только он один занимал сердце красавицы, но предпочитал не задумываться об этом, так как без неё стало бы трудно справляться в магазинчике.

Остаток дня, под хмурым покровом из клочковатых облаков, «Небесный холм» скучал без посетителей. Соэра заявила, что ненадолго покинет Джулис и меня.

Оттирая плиту от бледно-жёлтых пятен и разводов жира, я не понимал, о чём шла речь, но по интонации Джулис догадался, что дела в порядке, и пора распрощаться и отдохнуть после напряженного трудового дня. После того, как Соэра удалилась, Джулис проследила, куда она дошла. У второго от магазинчика указателя её подобрал высокий парень с золотистыми кудрями. Его светло-оранжевый «форд», взметая из-под колёс брызги луж, опавшую листву, устремился в направлении Гонолулу.

Управившись с делами, я решил прогуляться на сон грядущий, пока не повылазили ночные кошмарики. Глубокие лилейные тени, освещённые луной участки на ближних и дальних склонах ребристых гор Коолау, явили мне мир, потрясающий воображение мощью и богатством оттенков серебра. Тёмные и меловые линии замерли на колышущихся от неугомонного ветра деревьях, прыгали по движущейся шарообразной крыше обсерватории на вершине горы. Вблизи виднелась водонапорная башня, её большеголовый медный силуэт вырисовывался на фоне тёмно-голубого звёздного полотна.

Я трус, боюсь «грязной» близости. Просто боюсь! Потому что мама была хозяйкой в семье, и меня воспитывала послушным и хорошим, а папа, невеликих талантов, просто был её мужем. Потому что мне не везло с подружками в школьные годы, хотя на моих глазах уже ходили парами, ссорились, похабничали, «мутили» сверстники. А мне всегда было страшно окунуться в переживания: я чувствовал в «отношениях» что-то опасное, разрушительное для моего покоя. Но вот со мною здесь девушка, которая меня зовёт, сама, и нет причин её избегать. Нет ни одной! А я неистощимо выдумываю те самые причины...

Набравшись храбрости, я, наконец, повернул назад. Перелез через наложенные рядами камни, оберегающие террасу от внезапного сноса в обрыв, в долину, сошёл с отлогого спуска,

продолжающегося живой изгородью вокруг площадки. Возвращаться жутко не хотелось. В груди уныло звенели высокие струны, душу скребло скверное чувство неуверенности. Я слишком долго был делано безразличен, но более не смел испытывать её терпение.

За москитной сеткой в темноте появился и тотчас исчез силуэт Джулис. В доме блуждали сквозняки, качая причудливые фигуры, сотканные из лунных отблесков. Атмосферу таинственности не портил даже проснувшийся Алоха. Его большая растянутая тень вострепелась на стене, выложенной панелями в индийском или пиратском стиле.

– Что ты долго там? – нетерпеливо позвала Джулис.

На белом покрывале она лежала обнажённая. Пропущенный сквозь москитную сетку лунный свет слабым шафрановым ситом оберегал её восхитительное тело, изящно подчёркивая каждую линию. Безмятежность и покой – качества, казалось, совсем не присущие ей. Дыхание прерывалось едва сдерживаемыми спазмами, грудь резко вздымалась, покачивалась, соски вздрагивали и вибрировали. Приподнявшись на локте, она подставила своё обрамленное волосами лицо под золотистую сеть света. Огромные глаза зияли темнотой, а губы, вопрошая прикоснуться к ним, вздрагивали при каждом вздохе. Сияние струилось из щедрых пор её существа, а внутри меня словно поселилось крепкое, незыблемое ядро, которое не подлежало ни модернизации программно, ни аппаратно.

Сделав несколько шагов к ней, прекрасной и ждущей, я с трудом освободился от одежды. Руки дрожали, не слушались, движения неуверенные и глупые, точно у подростка, учившегося любить. Искра, мелькнувшая в голове, будто бы вызвала перед глазами случайный незапланированный слайд – изобразила картину со стороны... Я увидел себя, неуклюжего и неопытного, пустого и невзрачного, причём не располагающего необходимой информацией. Стыд, точно сбой, вызвавший серьёзную ошибку в операционной системе, пронзил мне сердце. Глаза заслезились, лицо исказилось. Порыв мужества смешался с треклятым комплексом неполноценности, с воспоминаниями, некстати выбравшимися наружу из тайного их прибежища.

Она почуяла мою слабость, черты лица заострились, ожесточились. Её руки хищно понеслись по моему худому телу. Безоглядная природная дерзость страсти руководила ею, точно марионеткой. Бурлящий поток крови разогрел тело девушки докрасна – лунная сеть на груди и шее зарделась.

– Что как не жив?.. – процедила она, рукой дотронувшись до моих плотно сжатых губ. Отобрав очки и отшвырнув, крепко схватила меня за шею. Сильно потянула вниз.

Руки и ноги будто онемели, колени подкосились, я упал на покрывало. Без очков взгляд выхватывал лишь очертания и неясные силуэты, а теперь, уткнувшись во что-то влажное, точно игрушечный лизун, пахнувший вишнёвым мылом, я догадался.

– Если не мочь ничего другое!.. – бросила она резко.

– Джулис... Джулис... – я глухо ворчал, как гром, замирающий в отдалении. Страх, оковы воспоминаний... Я не видел, но чувствовал, что сострадания в ней не больше, чем во взгляде тигрицы. По-прежнему отказывался покоряться власти...

– Вот... я... Так, да, так!.. – мои глаза покрылись пеленой слёз. Капли появились на бёдрах девушки. Она усмехнулась.

Гнев, как одна из фоновых программ непроверенной системы, взорвал её.

– Не... несильный! Мощи нет. Зачем нужен, НЕМОЩНЫЙ?

Она словно выискивала, где у меня слабое место, и с вывертом всаживала туда иголки слов, которые морозящей тенью раскололи хрустальный барьер, скрывающий древнюю тайну. В голове раздавалось эхом:

– Немощный, немощный!

Всё накопленное в сознании и душе выплеснулось наружу с истеричным сердитым выкриком:

– Прочь!!!

Она, надвинувшись, толкнула моё обмякшее тело. Всхлипнув, я замер. Любовный пыл, точнее, его остатки, иссякли вовсе. Нескончаемый поток возмущения девушки, надевавшей ночную рубашку, превратил меня в крохотное создание, в мучного жучка, притворившегося мёртвым.

Злой очаг красноречия угас, послышались шаги босых ног уходившей по коридору в свою комнату Джулис. Рваными крючковатыми облаками проносились в моей голове

отвратительные образы, неприятные ощущения. Я словно через серую воду видел ночной оплетенный янтарной сетью мир. И вот – силы ушли, сознание нырнуло глубоко в темноту.

Утром она не разбудила меня... не пришла.

Перебравшись с пола на матрас, я начал прислушиваться, различил два тихих голоса, скрывавшихся за шорохом дождя.

Между нами появилась безучастность друг к другу. Джулис почти не разговаривала, целиком уйдя в себя. Заказы доносились до моих ушей исключительно с деловыми интонациями.

Соэра, почуяв неладное, заинтересовалась, в чём проблема, и, разобравшись, пришла нам на помощь. Женщина, улучив минуту, отозвала в сторонку мою подружку и пообщалась с ней наедине до тех пор, покуда лицо Джулис не просияло надеждой. Она мне потом пересказала главное:

– Твой приятель не самостоятельный, – диагностировала Соэра меня. – Привык полагаться на матушку, а добрая женщина активно ограждала сыночка-непоседу от неприятностей, и внушила ему, что он, непутёвый, всегда должен слушаться маму. А сыночек и рад: ему так жить легче, когда за него думают и делают. Он всегда ошибался, а мама всегда знала, как лучше. И вправду случалось, как мама говорила. Хорошая мать, но чтобы чувствовать, что живёшь, надо не бояться ошибаться – надо свой опыт. Этому учит папа. Или улица. Или армия. Мальчика надо заставить быть решительным, и тогда он станет самим собой. Знаю способ: «аттракцион». Муж вас направит, я ему напишу. Лейджелила встретите в яхт-клубе... За меня не беспокойся, душка. – Соэра погладила Джулис по прямым волосам, потрепав пальцами за подбородок. – Я найму помощников на любой срок.

– Он от вас без ума.

– Знаю, – тяжело вздохнула Соэра, отрешённо поглядев в окно. – В общем, думай о прекрасном.

– До встречи.

Прижав учебник русского языка к розоватому переднику, девушка попросила меня заниматься с ней каждый день после работы. Я обрадованно кивнул, надеясь сыскать в здешних местах преподавателя английского, потому что вместо Аракина

за первый курс по почте пришёл другой – учебник английского, написанный одним из американских профессоров Гарварда.

Джулис, пряча хитрые глаза, подгоняла меня:

– Собирайтесь! У нас культурный программа. Не задавать вопрос!

Маленькая яркая птичка зависла над снежно-белым цветком орхидеи. Длинный изогнутый клюв проник в самое сердце цветка. Насытившись нектаром, пёстрая гавайская цветочница прошмыгнула в листву.

Несносная девчонка, доверчивая и глупая! Опять привязалась к постороннему мужику, и нисколько меня не стесняется.

– Очень мало нам заплатили! – возмутился я вслух, разложив на сиденье четыре стодолларовых купюры веером.

– Потом больше дать, – перестав отвлекать водителя, ответила Джулис. Она притронулась к моей руке подобно рассвету, ласкающему горный гребень.

Вдоль берега речушки, взявшей начало из лесного родника, из-под перьев мшистых папоротников выбивались пурпурные гроздья.

– Го-го, – вдруг повеселел я, заметив знакомый сорняк.

Тонкие унизанные нежно-розовыми цветами ветви клонились к чёрной и мучнистой, как садовый «осенний виноград», земле. Аллея из розового великолепия тянулась далеко, до самого пляжа, изобилующего песочными дюнами, вплотную подходившего к морской синеве.

– Here is your place! – произнёс водитель, выжидающе воззрившись на нас.

– Да, точно, – согласился я, передавая денежку.

Два пальмовых дерева наполовину укутались тенью, падающей от огромного жёлто-красного, точно заржавевшего камня, а верхние ветки их голых крон сияли на солнце. Превратившиеся в бледно-розовые сухие лоскутики, когда-то пушистые листья устлали землю около пальм. Они напоминали утреннюю зарю, или... я помнил свой детский носовой платок – вот такого цвета. Жгучие лучи полуденного солнца золотили свежую листву кофейных кустов, то тут, то там разбросанных

по саду вокруг трёхэтажных коттеджей. Аллеи удивительных винных пальм, чьи гроздья ягод свешивались пышными гирляндами до земли, надёжно укрывали морской пейзаж от посторонних взглядов.

Уточнив у местных жителей, Джулис указала на узкий проход между деревьями, похожими на букеты зелени, с длинными, как дохлые змеи, прямыми листьями. Мой прищуренный взгляд выхватил начало узкой тропинки, что, спрятавшись под разноцветным ковром из увядшей листвы, вела с горки к яхт-клубу.

Эмоции накапали беспрестанно, я не выдержал, недовольно бросил:

– Ну и ну, найти не могли! Плутали, как заяц... Туда заглянешь, там спросишь – ответят, да не то, что надо, ни разу не услышал слова: «Yacht».

– Я спрашивал...ла, где Гавайи кухня, – отозвалась Джулис.

– Что? Кухня?!!

Негодующе прищёлкнув языком, я ускорил шаг, обгоняя её, чтобы первым ступить на тропу. Ноги проваливались в сухую листву, скользили. Хватаясь за стволы и крепкие шершавые листья, мы осторожно спускались. Джулис взвизгнула и, не удержавшись, рухнула на меня. Покатившись кубарем, мы свалились на мягкую песчаную дюну.

– Ты безрукая, что ли! – возмущённо заорал я.

– Змея, там!.. – оправдывалась она. – Рукой змею...

Мы поднялись, отряхнулись. Невдалеке увидели двухэтажный дом и стоящую у причала одномачтовую яхту. Указатель в виде фигуры сёрфингиста, оседлавшего волну, раскачался, и норовил крутнуться, точно флюгер на ветру.

Джулис чихнула. Улыбнувшись, обняла меня; я вымученно порадовался: добрались-таки. Тёмно-серые ступеньки выглядывали из-за клумбы декоративной пальмы.

– Бежим, Витя, кто больше быстро туда!.. – её круглившийся под сиреневым в белую крапинку сарафаном зад пружинил при каждом шаге, точно у резвой антилопы, убегающей ото льва.

Высокие пальмы мауриции, «дерево жизни», сплелись ветвями с пушистыми листьями, образовав библейские кущи – сплошной тенистый, почти чёрный, свод. Из водосточной

канавы вдоль тропы, выложенной белыми плоскими камнями, спешил убраться бледно-коричневый краб. Джулис, поймав за клешню, сидела и рассматривала его. Прочитав на моём лице: «Какая мерзость!», и сообразив, что я испытываю отвращение к членистоногим, она решила воспользоваться положением и отыгаться за то, что я на неё накричал.

– У-у, Витя!

– Перестань, а! – сморщился я.

– Не бояться. Хороший! Взять с собой, правда, Витя?

– Выкинь эту дрянь, или тут доешь...

У подножия кокосовой пальмы, растущей за изгородью яхт-клуба, песок изрыт норами больших крабов. По пляжу разбросаны раковины головоногих моллюсков – пустые и обитаемые, красиво закрученные. Из одного выглядывали шарики круглых крабьих глаз. Лежат тут, дожидаются прилива. А самим выползти да поработать лапками – лень?

Зато двуногим было не до скуки. Вблизи красавицы-яхты в воздухе витал специфический запах: на лодочной пристани смолили и красили лодки, похоже, готовя их к соревнованиям. Через заросший дикой травой небольшой пустырь от дальних домов к ним шли маленькие помощники, весело перекликаясь, несли корзины с едой и питьём.

Подходя ближе, мы с Джулис заткнули носы. Неугомонный ветер с океана доносил пресловутый «запах моря»: смрад разлагающегося донного ила и сгнивших водорослей, так любимый моряками. Спасаясь, мы почти ворвались в заведение!

Внутри клуба на первом этаже занимались бухгалтерией два поджарых чернокожих паренька. Сосредоточившись на бумагах и подсчётах, совещаясь, они и не заметили гостей. Человек, который важно сидел в кресле и потягивал через соломинку коктейль, был заместителем Лейджелила. Явно избыточный вес, казалось, сделал и взгляд его тяжёлым, мрачным, но, увидев красивую девушку в солнцезащитных очках, он осклабился. Записка от Созры рассмешила его, но была отправлена не в корзину, а в карман шорт. Оглядев нас с неприкрытым удивлением, он представился Томасом, пригласил пройти в комнату – в «каюту». И по голосу я понял, что мы могли чувствовать себя как дома, но не забывать, что в гостях.

Картины морских пейзажей и портреты мировых чемпионов по сёрфингу сочетались с поделками кораблей, коллекцией морских раковин. Распушённый китовый ус, словно клоч из бороды Каналоа, божества смерти и океана, висел под портретом отца Лейджелила в деревянной лаковой рамке. Если бы Томас говорил по-русски, или хотя бы медленно по-английски, то я понял бы, что отец Лейджелила, Келир Арем, погиб десять лет назад в Африке, в алмазной шахте.

Смерть в шахтах оставалась обычным делом при добыче алмазов. Без подобающей экипировки обходились разве что самые отчаянные авантюристы.

Нырнувший в жёлтую мутную воду шахты, зажатой в твёрдой горной породе, мужчина по имени Келир отличался храбростью и терпением. Без акваланга, просто зажав в зубах каппу и таща за собою шланг от компрессора, он стремительно и ловко двигался в затопленных коридорах, полагаясь лишь на осязание и слабый свет герметичного налобного фонаря. Ум обжигала одна мысль: зачерпнуть со дна, и живо возвращаться на свет.

Не получая достаточного количества кислорода, мозг отключался, и тогда организм невольно впадал в сон, умирал.

Зачерпнув песок со дна, Келир вынырнул. По ладони разметались мелкие камешки, ни одного необычного.

– Арем, прекращай! – позвал друг. – И так побил наш рекорд. Шесть походов за час!

– В бригаде Серива числится столько же!..

– Врут они.

Келир побил рекорд бригады-конкурента, но и поднял другой. За позапрошлый месяц в шахтах погибли девять добытчиков, в прошлом – десять, в этом – на одного больше.

Фигурка Карага, старика шамана в набедренной повязке с гирляндой цветов вместо ожерелья, приятно пахла. Старинная, вырезана из сандалового дерева. Лейджелилу она досталась от отца, оставившего наследство, заработанное добычей алмазов в Нигерии.

Томас, выудив из книжки два синих билета, предложил выпить охлаждённый коктейль, закусить как следовало, отдохнуть с дороги – хозяин клуба вынужден задержаться в городе.

За волнорезом покачивались лодки и стоящие на якорях яхты. Десятки лодок и каноэ лежали на берегу кверху килем, сверкая свежей краской. Хозяева их, распрямив спины, гордо любовались своей работой. Время ужина наступило давно, поэтому они сидели на вынесенных из клуба раскладных металлических стульях и раздражённо посматривали на лачуги, уютившиеся в конце гавани. Собиратели венерок до сих пор не появлялись в сгущающихся сумерках.

Прибывшие с океана рыбаки немедленно искали покупателей: улов сегодня оказался чрезвычайно богат. Масса рыбы – морского окуня и леща, лодки полны громоздящимися горой корзинами, – в глазах рыбаков отражались тревога и счастье одновременно. Здорово тут жить! Бухта мечты Джека Лондона и Александра Грина.

В маленьком прибрежном кафе на воде сидит парочка: я и Джулис, зашли перекусить. Прохладная влага омывает щиколотки, обувка сохнет на дощатой веранде.

– Витя, я знаю проблему... Ты не веришь в себя, а я не умею тебя себе. Соэра много говорила. Мы не верим нам, понимаешь?

– Примерно, но я готов достичь совершенства, – я пожертвовал бы чем угодно, лишь бы Джулис, любимая, радовалась. Мы хоть и сердились друг на друга, ссорились, но никогда не расстались бы.

– Я приготовила сюрприз. Она сказала...

– А-а, Соэра, – я представлял, какой это сюрприз.

– Думаешь, как я, и всё стать будет.

Вода мягко перекатывалась через валуны и приятно полоскала босые ноги. Постукивая пятками по воде, девушка помогала мне доедать ужин.

– Ты потолстела.

– Где? – она принялась судорожно осматривать себя в талии.

– Да нет, наверное... Мне показалось.

– Наверно да? Или наверно нет?

Одинокая яхта сверкнула фиолетовыми, точно глаза Соэры, парусами в последних отсветах зари. Медный диск солнца наполовину терялся за вершинами гор вдаль. Большие дутые облака отразили его прощальные лучи на гавань, гребешки океанских волн зардели, точно рубины.

Ночью где-то в океане бушевал шторм, и здесь, на побережье, становилось прохладно, поднимался ветер. Мой сон улетучился. Ныли облезшие плечи – за день вобрали столько солнечного тепла, что невозможно растратить. Нет, Москву я не вспоминал, но бессонная тоска по Омску возвращалась. Теперь приход унылого чувства сопровождался мыслями о том, что родные не в деревне всего за несколько десятков километров, а на другом континенте за тысячи...

Ковролин, постеленный в коридоре, поглощал звуки шагов. И всё же... Мой уход на прогулку под звёздами не остался незамеченным Джулис – открытая дверь впустила ветер, обезумевший и ледяной, занавески вздулись, точно паруса. Гулко разбросав предметы по столу, ветер разбудил мою любимую.

– Куда, Витя?

– Я не могу, не по силам мне!.. Возвращаюсь!

Наши отношения были очень важны для меня, выше всего драгоценного, но «второе я» заставляло меняться. И сейчас во мне будто жил другой человек. Или я просыпался – настоящий?

– Зачем взял вещи? – в удивлённых немигающих глазах Джулис появились страх и укор.

Порывистые сильные вихри, разбрасывая солёные капли, яростно раскачивали фонарь, и тень хаотично металась по саду как вспугнутая летучая мышь. Свет огромной тропической луны превращал капли дождя на листьях пальм и папоротников в россыпи драгоценных алмазов.

Мне удалось лишь дотянуться до тропы. Дотянуться – в прямом смысле... Буйный ветер заревел в ушах и понёс, словно Бог, обиженный, что я отверг его подарок, намеревался подхватить меня и зашвырнуть в Сибирь без виз и самолётов. Маленькая сумка с вещами угодила под навес из деревьев. Сконфуженный я попытался подняться. Лунатик... Трус... Дурак!

Девушка нависла надо мной. Ни раскаты грома, ни мокрые вихри не пугали её. Два огромных горящих камня вместо глаз хищно уставились на меня. В лицо летели холодные капли, их размазывали мокрые волосы Джулис. Руки её, казалось, превратились в тяжёлое железное ярмо, и столкнуть их с шеи не выходило.

– Задушишь... Джу-лис!..

– Что делаешь? Куда бежишь? А я? А я?!!!

В моей голове эхом раскатистого грома и свистом штормового ветра раздавался неестественно далёкий голос девушки: «Ты – мой, ты – мой!»

– Ой, прости, Ви-тя, – вдруг испугалась Джулис, опомнилась, отдёргнув руки, словно последней искрой моей жизни обожгла их. – Скорей в дом. Твоя вещь! Там... Подниму.

Белые стены здания яхт-клуба крепкие, надёжные как скала, но стёкла окон пронимало мелкой дрожью.

Сонный Лейджелил, включив свет, спустился вниз, удивлённо оглядел нас, мокрых и встревоженных:

– Were you, guys, fighting?

Джулис, мельком рассмотрев помятое лицо индейца, закрыла глаза. Прижавшись к моему плечу, напуганная кошка, увидевшая злую собаку, она молчала.

Закрытое на шпингалет окно вибрировало, но ветрам не поддавалось. На одном матрасе не так много места для двоих. Зато тепло. И пахнет так, по-настоящему, как пахнет родина... не Родина, что посылает на войну и не даёт обещанных пособий, а... место, где душа рождается... и находит покой. Сонные мысли... Недовольство и раздражение не то, чтоб унесло, а так – всё внутри будто размагнитилось. И в итоге, экстремально пообщавшись, мы заснули, прижимаясь, точно изнурённые прогулкой по новому дому щенята, тёплыми боками друг к дружке.

Свет восходящего солнца, чистый, промытый ливнем, отражался от луж, разбросанных по саду и пляжу. Зелёная сочная листва и травы изумрудно сверкали. Флаг уныло свисал с флагштока – безветрие. В глаза бросались сбитые лиловатые шапки невиданных цветов. Отломанные ветви охапкой выносил садовник – низкорослый худощавый гаваец.

Томас держал радиоприёмник на весу и, слушая сводку новостей, покачивал головой. Известия время от времени

прервались музыкой. Он поздоровался со мной, хотел что-то предложить: объяснял на пальцах, чертил на песке прутиком... Некоторые слова я понимал.

Перспектива отдыха на судне, отплывавшем для добычи креветок, меня совершенно не увлекала. Шутил индеец неудачно.

– I guess you wanna visit the market on the water?

По интонации я понял, что задан вопрос. Неверно истолковав моё молчание, Томас одобрительно протянул, кивнув головой:

– Олрайт!

На спокойной воде Новой гавани темнели пятнами маленькие суда – стройные корпуса, снасти, прикрытые брезентом. Любители ранних прогулок выходили в океан – одни на моторных лодках, другие ставили кливера и гроты. Красно-жёлтое солнце поднималось над гребнем Коолау, на время точно застывало, озаряя пространство, и заряжая усердием каждую клетку организма заядлых рыболовов.

Томас, по пути весело болтая с Джулис, провёл нас мимо «лузера». Паруса на его посудине, освобождённые от чехлов, лежали кучей на палубе. Рыбак растерянно озирался. Увидев Томаса, невесело улыбнулся.

– Он не живи тут, а обещал взять друзья на рыбу, – пояснила Джулис. – Опоздал... сам не умеет, как делать!..

День разгулялся. К обеду желудки заныли, а животы втянулись. Втроем мы подошли к рыбакам – самым удачливым, одними из первых вернувшимся с океана. Двое, старый отец и мальчишка, выносили на берег сети, сине-зелёные – не то от водорослей, не то сплетённые из лески под цвет морской воды.

В лодке у них, на дне – пойманная рыба. Я выбрал понравившуюся: жирную, серебристую, с гребнем на спинке. Дал старику пару долларов и отнёс поварам в кафешку. Тут же её и разделали, и пожарили с луком, и подали на блюде, с гарниром.

Время подошло к полудню, и Лейджелил, послушав прогноз погоды в очередной раз, отдал мне распечатанную на принтере карту группы островов, отметив на ней несколько значков шариковой ручкой. Перед тем, как использовать её в качестве путеводителя, я и Джулис должны были кое-что

передать от хозяина яхт-клуба одному человеку на «водном рынке». Томас вызвался сопроводить нас.

Бронзовый круг солнца, просвечивающий сквозь сероватые рваные облака, висел высоко. Рассекая маслянистую синеву волн, моторная лодка Томаса быстро доставила нас по назначению. Взяв направление на простор бескрайнего океана, Томас меня несколько озадачил. Я-то полагал, что мы пройдем вдоль береговой линии, и даже не догадывался, что «рыбный рынок» и «водный рынок» – не одно и то же.

На высокой скорости мы приблизились к, условно говоря, суше, и медленно пошли по узкому проходу между рифов. По обе стороны фарватера за низкими песчаными наносами показывалось илистое мелководье. «Водный рынок» располагался вокруг цепочки коралловых островков, имевших форму разорванных колец, в каждом из которых заключалась мелководная лагуна. Скоро стали попадаться на глаза морские птицы – фрегаты и альбатросы, спешащие в одном с нами направлении, и на подходе к островам уже кружило их великое множество. Выглянуло солнце, и серо-голубые зеркала спокойных вод заблестели, отражая очистившееся небо. Отгоняя птиц-воровок длинными палками, в них сбрасывали свой улов рыбаки. Непрерывной цепью лодки входили в один проход, а выходили из другого. Во как! Совсем аборигены обленились. Вот и секрет богатства и изобилия по-гавайски: хочешь – лови, хочешь – купи на «водном рынке»... излишки не пропадут.

Томас рассмеялся: система входа и выхода напоминала американский супермаркет.

Поодаль от рынка торчали жерди и прутья, образовывавшие круглые загородки для рыбы. Томас показал Джулис корзину и проделал жест, объясняя принцип работы такой ловушки. Рыба шла на прикормку, и когда нужно, ей преграждали выход – этакая примитивная рыбная ферма.

Среди покупателей в лодках, покидающих рынок, было много подростков и женщин. И женщины, и даже молоденькие девушки, правили лодкой в одиночку. Ничуть не смущались: юбки до пола, зато оголены по пояс, и у многих на шеях красовались яркие бусы с подвесками, с медальонами. Красивые волоокие темнокожие самки вида гомо сапиенс, хотя и не все выделялись изяществом фигуры. Всё-таки тут свои особые взгляды на красоту.

– Витя! – недовольно произнесла Джулис. – Ты убрать глаза! Они... чёрные.

За спинами некоторых женщин привязаны малыши, глазевшие на нас с неприкрытым интересом.

У мола торчали из воды причальные сваи – четверные связки брёвен, стянутые поверху железным обручем в форме пилонов, образуя волнолом, чтобы сдерживать напор воды в непогоду. Вообще туземцы умело приспособливают для жилья местную растительность. Например, то самое «дерево жизни» – эти пальмы растут всегда кучей, и потому легко их связать и соорудить на недостижимой для воды высоте настил, ну и стены, крышу – дело техники. Из тех же веток и длинных веерных листьев. Тут пока что пальмы не росли, и хозяевам полезного коммерческого «заведения» пришлось завозить стройматериал частично с американской лесопилки. Хижины, сшитые из тонких стволов тростника, бамбука, и сверху закрытые ветками, стояли на длинных столбах-сваях, их древесина не поддавалась гниению. Свайные сооружения поднимались выше пола, образовывали каркас стен хижин. Тут же закреплялись промежуточные вертикальные стояки, поперечные горизонтальные жерди, к ним крепились циновки. Из-за посеревших листьев и высушенных на солнце торчащих в разные стороны стволов рынок казался серым разворошенным гнездом.

Высадив нас на жердяной настил, Томас уплыл. Не успел я осмотреться, как один человек, перепрыгнув лодку с питьевой водой в бутылках для кулера, подбежал к нам. Джулис, передав ему записку и кожаный мешочек, пожала плечами на мой вопросительный взгляд.

Одна из хижин над водой имела окрашенные ярко-жёлтым цветом стены – отель на сваях. Его владелец, друг Лейджелила, Корра, добродушно принимал гостей. Пол и стены отеля сделаны из бамбука, а крыша из тростника на бамбуковой сетке. Пятизвёздочным не назовёшь, но имелись необходимые удобства: две уборных, ванная комната с джакузи и гидромассажем, плетёные кровати, погруженный под воду холодильник, даже телевизор, питающийся электричеством от огромного аккумулятора, портативный компьютер с «вай-фаем». Ради моей девушки, Корра заменил молодую темнокожую служанку женщиной постарше. Обнажая редкие

крупные, как у лошади, зубы, хозяин отеля продемонстрировал, как посредством лебёдки вынимается из моря холодильник. Вопрос, возникший у девушки, я теперь понял дословно:

– Где настоящая гавайская кухня?

До ресторана путь лежал по воде, и Корра, сунув два пальца в рот, издал протяжный свист. С берега раздался точно такой же, ответный. Через несколько минут, пока гид увлечённо рассказывал про места, отмеченные ручкой на карте, за выпирающими из воды волнорезами, показалась чёрная точка. «Такси» с берега быстро приближалось. Это был четырёхместный пластиковый велокатамаран, очень устойчивый и довольно скоростной. Судёнышко свободно взбиралось на волну, не зачерпывая воды.

– Алохаауинала! – весело крикнул чернокожий худощавый парень, предложил занять места. Вопросы рождались один за другим, но я решил довериться девушке.

Толкнув от берега «морское такси», Корра разговаривал по сотовому телефону и одновременно, улыбаясь, помахал нам вслед.

Флотилия чёрных, как угли, лодок, вытянулась вдоль разорванного кольца атолла, едва выступающего над водой. Огромные, с носами, стилизованными как фигуры осьминога, лодки выстроились в линию между атоллом и мелководной косой. Я рассмотрел, что от кормы к корме натянулись почти невидимые в лучах солнца сети. На каждой лодке кто-то выкрикивал короткие резко звучащие слова, будто передавали команду. Наш туземец, подгоняя катамаран, стиснул зубы и что-то сказал с досадой, ускорил движение ногами. Джулис пояснила:

– Большой такой, плавал, и двух людей съел. Shark...

Вау! Мурашки побежали по моей спине, я невольно заозирался.

Владельцы больших лодок, взмахивая прутом с ярко-жёлтым полотном, возглавляли команду из множества маленьких лодок. Гребцы малых, мальчишки, обнажённые по пояс, громко переговаривались. Одни беспрестанно работали вёслами, другие колотили палкой по деревянному борту. Малые лодки приближались к большим, сети смыкались. От грохота мог ошалеть кто угодно. Летучие рыбы, растопырив плавники, выпрыгивали из воды, перемахивая через борта, врезались в

палубу и людей. Наверное, это больно. Гребцы, подняв вёсла, умудрялись точно бить по ним, отшвыривая в воду. Серебристая длинная и тонкая рыбина мелькнула над моей головой. Сети наполнялись множеством разной живности, но зловещей виновницы события, будто не существовало вовсе. Ну и ладно – купаться мы и так не собирались.

Вместе с флотилией больших и малых лодок наш катамаран достиг спасительного берега. Женщины выходили из хижин, воздавали хвалебную речь и выбирали рыбу из сетей, резали, потрошили и мыли. Вывешенные, точно бельё, ломти искрились на солнце. Пахло сырой, копчёной и жареной рыбой. Три кораблика, нагруженных под завязку, медленно двигались на остров Кауаи, откуда спешили, чтобы принять груз, другие.

Джулис поделилась мечтой: попробовать запечённую по-местному свинью, запивая коктейлем «Май-тай». Если бы не обычай поглощения подобного кушанья, проходивший на закате солнца, то я сейчас бы вернулся и завалился в кровать, чтобы выспаться как следует.

На закате на острова вползал малиновый туман, он обволакивал посёлок, ресторан и отель, скрывал силуэты лодок, длинные низки вяленой рыбы, вырезанные из камня фигурки на крышах хижин. Коричнево-красные иссушенные солнцем выпуклые борта «плавучих домов» утопали в мерцающих пурпурных сумерках. Вечерняя тьма гигантским неводом опускалась на тихий экзотический мирок.

До этого времени Джулис и я терпели недовольное бурчание пустых желудков. Процесс поедания национального блюда гавайцев сопровождался танцами на площадке вблизи кухни и популярными в Полинезии фокусами с огнём. Затем нас, как влюблённых, полили холодной водой из мелких деревянных ёмкостей, похожих на банный ушат. Широко улыбаясь, Джулис пояснила мне, ошеломлённому от неожиданности, что если я не заболēju на следующий день от переохлаждения, значит, действительно люблю её. Нас, мокрых и не очень весёлых, подвели к циновке, где темнели пахнущие цветами карамболи и неизвестные плоды, походившие на маленькие арбузы. В один из них, который выбрала Джулис, впрыснули через трубочку прозрачное вещество из деревянной ступки.

Это был щедрый подарок!

Наевшись всяческой ароматной вкуснятины, наплясавшись до упада в весёлой компании смуглых пышноволосых дев, выступавших топless, и разрисованных белилами мужчин, под утро были мы возвращены в отель. Вывешенное на просушку бельё светилось в сумерках. Покой туристов и порядок стерегли два крепких паренька – сыновья Корры, который передал в их распоряжение сигнальную ракетницу и ружья, коробку патронов, начинённых солью и свинцовой дробью. Указав на глубокую заводь за волнорезами, он кое-что уточнял у моей девушки.

Внутри отеля тихо и свежо. Прохладой веяло от воды, глухой шум волны и ветра расслаблял, гоня усталость, навевая покой и сон. Завёрнутый в пальмовые листья, «Passion fruit» дожидался своего часа. Джулис строго запретила лакомиться до поры до времени. Нетерпение не позволило дожидаться выхода Джулис, я тихо приоткрыл двери и заглянул в ванную комнату:

– Что мы тут делаем? Я не могу жить в неведении. Ой, извини.

– Ничего.

На её груди, наполовину погружённой в пенную воду, играли отблески луны, просвечивающие квадратиками сквозь бамбуковую сетку на окне. Во взгляде, нетронутом сном, загадочном и переливающимся янтарём, устремлённом на полосу рассеянного света жило нечто необъяснимое и что-то подсказало: расспрос лучше отложить.

– Витя, – вдруг приподнялась она, прикрыв грудь руками.
– Когда я родилась?

Неожиданный вопрос застал меня врасплох, и, чтобы не ударить в грязь лицом, я оживился и, сделав шаг к ней, сказал:

– Разве я не говорил, что твой день рождения – в день появления на свет моей мамы?

– Нет, – удивлённо покачала она головой, и в глазах отразились ошеломление и восторг одновременно. – Ты не говорил. В смысле – никогда не...

– Через пять дней.

– Ва-ау, так скоро!.. – выбравшись из ванны, она обняла меня. – Ну... трогай меня тут и там. Ага, хорошо, – встала она на носочки, чтобы моя неуверенная рука невольно прошла ниже.
– А кольцо – подарок, прошёл?.. Обод!..

– Нет, я припас средства на случай!

– Почему ты не очень, ну вот: брр и тело твой так!..

– Ты... раздетая.

– Ну и что? Мы – не пара?

– Пара, ещё какая интересная!

Несмотря на то, что Джулис переполнял энтузиазм и жажда действий, она попросила выйти.

– Я не хочу тебя... чтобы ты вышел, понимаешь? – виновато проговорила она в приоткрытую дверь. – Ты можешь потерять я... тут есть с мылом. Хотя нет... я вдруг могу измениться. Оно не знаю, как происходит внутри я, потом сержусь, и страшно бывает.

Ночь прошла беспокойно: я просыпался от громкого плеска воды, резкого звука ударов в пол, который трясся, а от него вибрировала и кровать. Охранник – паренёк в кепке и рубашке-гавайке цвета прессованного тростника – увидев удручённого меня, вышедшего из отеля, объяснял на пальцах, почему подобное случается. В свете фонаря, покачивающегося от внезапных порывов ветра, лицо охранника настороженно изменилось. Его зоркий чёрный, как уголь, взгляд, выхватил показавшееся из воды огромное торпедоподобное тело, от которого, казалось, исходил синеватый неоновый свет. Второй охранник, разогнавшись, махнул через мостик, под навес. На крыше звонко забил колокол.

Итак, наша культурная программа, оказывается, началась гавайской свадьбой. Моей свадьбой!.. не редкость у туристов, хотя не признаются юридически. Нас поженили, вручив особенный напиток для влюблённых. Мы, помнится, не только отплясывали, ели, но и залезали в воду – рискованное дело, имея в виду не пойманную акулу-людоеда... Омывшись и начиная новую совместную жизнь, мы отпустили леи в океан. Цветочные гирлянды прибило к берегу, и все присутствующие нас с этим поздравляли: добрый знак, умершие нам благоволят. Пойманная акула, вероятно, также будет причислена на счёт нашего благотворного вмешательства...

Утром мы улетали в небо. «Аттракционе!» – объявил Корра.

Самолёт-амфибия старого образца стоял на поплавах почти у самого берега. Тень от крыльев, скреплённых железными скобами, пересекла потонувшую хижину, лишь её растерзанная верхушка, вся в водорослях, выглядывала из воды. Около руин домика изготовителя рыбной муки всплыли жерди от подвесного моста. Усатый лётчик, пучеглазый латиноамериканец в куртке и длинных штанах цвета хаки, покачал головой, наблюдая разруху, которую никто не спешил исправлять.

Топая к самолёту по длиннющему жердяному настилу, я рассматривал запутавшегося в сетях монстра с маленькими, точно у мыши, глазами. Громадина какая, а мозга с кулачок да фигушку. Страшна была бы смерть в зубах акульих...

Пилот уже забрался в кабину и раскручивал винт. Надо торопиться.

Впервые за долгое время я и Джулис не выспались оба. Я выглядел так, будто повесился между сном и явью, и она, позёвывая, плелась за мной.

В небе, в тумане облаков, мы почувствовали внезапный прилив сил. Рассматривая синеву океана, острова, кораблики и лодки, воображали себе фонтаны, выбивавшиеся из спин китов, прыгунов дельфинов. Мы оживлённо перешёптывались, с удовольствием касаясь друг друга, девушка сидела на коленях у меня. Ничего, что с правого крыла свисал кусок чёрной изолянтки, зато пилот у нас был лихой: норовил заложить крутой вираж, а то и мёртвую петлю, летел почти кверху брюхом и кричал:

– We are going down!

Поворачивая усатое лицо к пассажирам, наблюдал реакцию на сей аттракцион, взирая сквозь смешные защитные очки большими добрыми глазами-фасолинами. Дребезжание стёкол «фонаря», то есть, по-простому, кабины, отзывалось дрожью бортов и пола, но я смело обнимал девушку, и знал, что если пропаду, то с нею. Джулис, воспользовавшись своим хитрым положением, приступила к ласкам. Приникнув к моим губам, не давала продохнуть, лобызала и лобызала. Возбуждение от полёта быстро росло, и неожиданный поворот событий, когда лётчик вошёл в нештучный штопор, и Джулис задрала футболку, обнажив грудь, отозвался громким стуком в моём сердце. Столь острых и приятных ощущений я не

испытывал даже тестируя программы-имитаторы. Что можно делать в тесной кабинке под стеклом? Как выяснилось, возможно многое – незабываемое, сладко будоражащее нервы!

Самолёт благополучно приводнился. Следом за Джулис и я походкой воздушно-морского десантника добрался до берега.

Прощаясь с нами, едва держащимися на ногах, лётчик невозмутимо курил. Две линзы очков, поднятых на лоб, поблёскивали на солнце, которое готовилось скрыться от стыда за авиаторов за посеревшими облаками.

– Витя, у нас получится!

– Думаю, да, – не сомневаясь, ответил я.

Маршрут карты указывал на гору Ваджалее. Заблаговременно, ещё из отеля вызванный таксист доставил нас почти на самую вершину. Из-за площадки, с которой любовались морским пейзажем туристы, выглядывала рябящая в глазах оранжевая материя воздушного шара. Туристы на острове Кауаи ничем не отличались от тех, которые топтались на пляжах Оаху промеж бакланов, но как-то уважительно и заинтересованно поглядывали на нас. И что-то часто в разговорах слышал я одно и то же: «аттракцион»...

Воздушный шар, оранжево-весёлый как мандарин, сразу вызвал у меня недоверие. И тёплые куртки на дне корзины ждали нас, и выкрашенные в синий цвет металлические перчатки-краги прилагались, а нехорошее предчувствие вновь заставляло трепыхаться сердце. Я снова дал зарок доверять девушке, не расспрашивая, хотя вид у неё был крайне подозрительный. Паренёк, помощник из местной закуской, хитро скосив глаза, отвязал шар.

Натянутый прозрачный полиэтиленовый полог не защищал от мелкого дождя: он моросил, казалось, отовсюду. Горелка-автомат исправно наполняла шар горячим воздухом. Сидя на балласте на дне корзины, и глядя, как быстро разбивались и скатывались капли воды, мы ощутили: будто жаром обдало! Не в силах передать словами свирепствующую в груди бурю эмоций, я гладил её по щекам, а лицо девушки расплылось в счастливой улыбке... Опасность и нежность... голубые топазы её очей, чистейший горный хрусталь взаимного доверия.

Дождь укатился вместе с тучками, постелив над землёй влажное марево. Серо-лиловый горизонт понемногу сужался, сгущались сумерки. Скалы, кое-где выступающие из воды, розовели в пурпурном отсвете прекрасного гавайского заката. Внизу летали чайки. Слегка волнующийся океан чертила пенная линия – стройная яхта с косым стакселем, похожим на развевающийся флаг, двигалась впереди вереницы скучных каботажных судов.

Волнистая гладь отсвечивала аккордами оттенков алого и синего. Пунцовый клин, тянувшийся к проливу Кауаи от края мира, гаснул – солнце спряталось, мелькнул зелёный луч...

– Сейчас, – от холода дрожала Джулис.

– Не думал, что бр-р, такое... наверху, – дыханием я согривал ей руки.

Закрепив футляр с «плодом» на боку вместе с маленькой сумкой, я надел металлические рукавицы-краги. Поупражнялся, сжимая, разжимая, и, набравшись храбрости, взялся за канат. Джулис, изучив механизм, установленный на двух роликах под шаром, приготовилась выполнить инструкцию на обороте карты.

– Так, ага!.. – дрожала она в смятении. – Витя, один способ. Вот он!

– Не знаю, что произойдёт, но наверняка вскоре пожалею. Экшн!

– Ок.

Дёрнув за ремень, она привела ролики и верёвку на них в движение...

Сцепив рукавицы на канате, мы испуганно глядели в глаза друг друга. Звук трения верёвки на роликах, щелчок... Корзина, отстегнувшись, быстро скатывалась по свисающему далеко вниз канату.

– Что натворила? – закричал я, переводя полный жути взгляд на открывшееся потемневшее пространство.

– Вниз экшн!

– Не могу, – процедил я, вцепившись в канат мёртвой хваткой – рукавицы, имевшие шершавую резиновую внутренность, позволяли висеть без напряжения. Но я так напрягся от страха, что, прикинув к серому канату, словно прилип.

– Я тоже много страха... во мне... Вместе!!!

В моём горле слова точно застывали, выходили глухим урчанием. Стальные оковы ужаса крепко сдавили волю в тисках сжавшейся в комок души.

– Хочешь всегда быть так... сил нет для нас?

Мои пальцы онемели и отказывались разжиматься.

– Смотри: делай как я! – Джулис немного скатилась, подняла голову. – Я узнала про аттракцион. Он страшный снаружи, но внутри – нет.

Обрывки слов и смысла дошли до моих ушей. Ослабив хватку, я обнаружил: спускаться можно. Медленно скатываясь, издавая утробное урчание, сравнимое с тем, с каким, встав дыбом перед соседским котом, Барсик пытался того пересмотреть, я всё-таки двигался навстречу бездне. Но главное ожидало внизу: днище корзины ударилось о воду и превратилось в надувной плот.

Спустившись с дьявольски страшных небес, я ожидал найти спасение. Не нашёл, и злость выиграла! Меня трясло от напряжения. Я орал так, что у самого волосы шевелились. Но теперь Джулис почему-то не стерпела моего возмущения и столкнула меня с плота, не смотря ни на что. Бултыхнувшись спиной, я нахлебался горькой воды и заколотил руками, ногами... Выяснив, что я не умею плавать, она, как ни в чём не бывало, попросила прощения и вытащила меня из воды.

Обомлевший, растерянный и подавленный, я отказывался верить в то, что мы одни посреди океана, мысленно молясь, чтобы не начался шторм. Глядя на выпавший из размякшего футляра удаляющийся «плод страсти», я что-то бормотал себе под нос, а девушка обняла меня за плечо и молчала. Я вспомнил о том, сколько сюрпризов преподносил океан тому, кто жил на одном уровне с его поверхностью, и сник совсем.

– Будет окей, Витя. – Её прикосновения, подобно волнам, ласкающим мягкий шафран песка, успокаивали нервы. – Ничего, что брр... – Глаза Джулис, два горящих опала, взирали с надеждой. Их невидимая, но осязаемая магия позволила вынырнуть из каменистого ущелья страха.

– Уверена, что нас найдут?

Девушка улыбнулась и как смогла доходчиво пояснила примерную цель нашего приключения. Элемент риска в том, что мы предоставлены друг другу, и то, что никто за нас не отвечал, не понравилось мне категорически. Лишь отдаваясь в руки

слепой судьбы, можно узреть и оценить моменты, которые нередко оставались незамеченными, впустую потраченными. Оказавшись на плоту, среди бесконечной глади океана, который способен покарать и помиловать, невольно задумываешься о людях, чья забота и внимание прошли бесследно. Ни пустой желудок, ни заросший подбородок, никакие посторонние мысли не волновали меня теперь – лишь несвязанные кадры из жизни вспыхивали в памяти. Почему-то захотелось подбодрить девушку:

– Я сделаю тебе, что хочешь и как хочешь!

– Ты обещал, помнишь? Не выполнил, а я... ничего!

Любознательные жители тёмной отсвечивающей лунным светом воды сопровождали плот. Золото их чешуи мерцало в чёрных волнах, как звёзды, слагающиеся в безмолвные послания астрологам и морякам. Воду вокруг, точно разбавили фосфоресцирующей жидкостью. Сверкающие рыбы напоминали раскалённые угли. Казалось, меня, промокшего, они согревали.

– Там деньги и наши паспорта, – покачал головой я. – Высушим, надеюсь, если доберемся до берега. Вон те огни вдалеке – берег?.. За что я тебя терплю? Ты... ты непонятная, не поддаёшься воспитанию. Что попало творишь, и меня не спрашиваешь. Мне с тобой хорошо. Кто бы мог подумать?!

– Витя, – задумчиво проговорила Джулис, прижавшись к моей щетинистой щеке. – Почему нам не пойти в церковь и не пообещать быть вместе?

– Ого! – обрадовался я. – Признаться, я об этом думал, и хотел сказать, но всегда откладывал по причине твоей невыносимости.

– Почему? Я не прошу носить я, а... меня.

Я вымученно улыбнулся.

Она сидела на корме плота, качаемого волнами, и время от времени резко запускала руку в воду, иногда выбрасывала на днище мелких рыбок, рыбки от пережитого шока даже не трепыхались. Я впервые похвалил Джулис: некоторые были съедобными.

– Суши. – Я ни разу не пробовал сырой рыбы.

– Да, но суши обычно из другой... Хотя одно и то же.

– Жаль, что я потерял плод...

– Ага, он – сладкий!.. Ай! Кто там? – девушка подскочила, испуганно спряталась за меня.

При виде двух круглых светящихся глаз с вертикальным зрачком, внезапно показавшихся из воды рядом с плотом, и мне стало не по себе, но я бесстрашно уставился в них. Пересмотрел, как тогда Барсик... Осьминог, притушив немигающий гипнотический взгляд, ушёл в беспросветную глубину. Вот: слабый синеватый свет усилился на поверхности воды и мелкие обитатели мигом исчезли. Свет подступил к плоту, на миг явил контур животного, у которого в гибкой чёрной спине, казалось, поселилось множество фонариков. Уходя вглубь, оно принимало разные неясные колеблющиеся очертания. Раздваиваясь, сливаясь, перемешиваясь, призраки в глубине то появлялись, то исчезали.

– Они тебя не тронут – я тут! – поглаживая дрожащую девушку по голове и спине, приговаривал я.

Не в силах больше отличить чёрную воду от не менее тёмного неба, Джулис заснула на коленях у меня.

Уснув, будто бы на пять минут, я обнаружил, что проспал много часов. Наш плот прильнул к берегам острова Ояху, под самыми скалами хребта Коолау. Серый, точно глина, маяк в эту предутреннюю пору невероятно порадовал.

– Мы на земле, Джулис, любимая!

Проснувшись и мельком рассмотрев окружающее пространство, девушка ответила:

– Да-а.

– Как «да». Ты знала?

– Цель путешествия... я говорила тебе. Никогда не слушаешь меня. Надо слушать любимую. Посмотри, где крест на карте.

Крест на карте – закопанный на берегу клад. Настоящие драгоценности... а не пошлое золото-брильянты!

Кромка горизонта перед восходом солнца лиловая, после – оранжевая.

Перекусив зарытыми в бумажном мешке гамбургерами и запив кока-колой, я почувствовал, что жить стало сносно – даже радостно!

– Не будешь ругать меня за клад? – удивлённо спросила девушка. – Еда!..

– С чего бы? Зная тебя, вряд ли стоит чему-то поражаться.

Катер доставил нас на плавучую платформу, укрытую под бронированным стеклом. Соэра, прижав к груди охапку цветов одной рукой, другой звала меня, Джулис и подоспевшего на катере Томаса.

Два самолёта готовились к показательному сражению в небе. Их кабины были оснащены надёжными русскими системами спасения пилота, дабы обеспечить безопасность. Сиреневый истребитель палубной авиации F4U «Корсар» с монопланом «обратная чайка» – талисман Лейджелила, который тот решил всё-таки опробовать. Вторым поединщиком выступил F4F «Уайлдкэт», тоже «палубник». Реконструкция старого военного американского самолёта позволила установить дополнительный пулёмёт.

Зрители: туристы и местные жители – любители зрелищ помахивали стодолларовыми купюрами, богачи на VIP-зоне глядели в бинокли. Стоял шум азартной толпы и спор – три лётчика в жёлто-сером обмундировании едва не подрались, перечисляя заслуги то одного, то другого участника.

– Витя, звонил Джуниор, и спрашивал, что мы хотим.

Заметив фотографа, щёлкающего большим старинным аппаратом, я решил отправить несколько фото родителям.

А в это время в небе раздавались пулёмётные очереди, резкие звуки двигателя маневрирующих самолётов. Пули с краской летели и в сторону зрителей – врезались в бронированное стекло обзора, оставляя кляксы, и зрители сжимались точно комки ваты от воды, невольно садясь на пол, затем, вскакивая, весело кричали, подпрыгивали, кидались жареными сосисками. Кто-то даже поперхнулся соком и закашлялся.

– *Cunado mio, favor?* – Томас вышел из толпы на видное место у стола трёх комментаторов, пересказывающих событие на трёх языках. Победно улыбнувшись, выудил из шуршащей обёртки картину под названием «Little-big Horn». После недолгой речи Томас проводил аукцион, а Соэра тихо пояснила мне и Джулис, что картина являлась копией, а у самого Лейджелила не было даже дальних родственников пайсано.

Всё это время воздушный бой продолжался, но шёл к своему логическому завершению: у одного лётчика иссяк запас

патронов, у Лейджелила обнаружилась неполадка, о которой тот сообщил по рации.

Продолжение зрелища возобновилось на мелководье: озлобленный индеец и не менее сердитый американец устроили кулачный бой. Молотя друг друга кулаками в серых голицах, подняли столько шума и гама со стороны, что никто не слышал ни собственного голоса, ни микрофонов дикторов. Они перекатывались с бока на бок на деревянном причале, угощая щёки и нос тумачами, бранились, на чём свет стоял, бросались предметами, найденными в карманах, хлестали друг друга лёгкими шлемами. Наконец, измождённые, точно пловцы после длительного заплыва, бессильно принялись толкаться перед тремя камерами и репортёрами.

Победила дружба. Соэра, вскрикнув, кинулась обнимать побитого, но счастливого Лейджелила.

– Не подумаешь, что он – лётчик, – изумлённо улыбнулась Джулис.

– Я тоже удивлён, – ответил я, проверяя состояние промокших зелёных купюр и паспортов.

Мы собрались возвращаться в «Небесный холм». Путешествие закончилось, работа ждала. Томас, довольный зрелищем и выручкой, торопил нас.

Самолёт Лейджелилла тоже взмыл в небо, ставшее белым-белым от вспышек салюта, звук которого казался странным, не похожим на звучание фейерверков.

Глава 3 Творец судьбы

Я проснулся от грохота разбившейся настольной лампы. Её желтоватые осколки, изнутри разрисованные разводами пыли, валялись на полу около моей несобранной в институт сумки.

– Блин, опоздал! – соскочил с кровати я, шагая на автопилоте в туалет. Барсик, вздыбленный и ошеломлённый,

вероятно, напугался шума в трубах и свалил лампу. Чёрными большими глазами он глядел на погром из-за тумбочки.

Только под струями тёплого душа до меня дошло, что если мама не разбудила, значит, так надо. Да, точно, сегодня вторник, «дипломный день», который по идее нужно провести в библиотеке Пушкина за подбором материала.

На завтрак, а тот оказался поздний, я нагрел воду для чая, достал банку масла и хлеб. И, откручивая крышку банки, увидел название фирмы, занимавшейся красной икрой, вдруг прозрел, вспомнив улицу на Гавайях – Saint Bremor – Санта Бремор.

– Я похудел и программист!?! – жуя, удивился я. – На Гавайях!.. Класс.

Температура исчезла, лишь хорошее настроение да чувство приподнятости владели мной.

Руки потянулись к ноутбуку, где хранилось моё художественное творчество. Открыв, я нетерпеливо запустил машину.

Я был ленивым человеком, но дело начатое не бросал. Чем же мог завершиться мой сон? Как жаль, что я проснулся так рано – почти к обеду! Теперь придётся самому додумывать наяву то, что мог бы просто увидеть, как в кино! Приступил к работе.

Глава 4 Рука из прошлого

Наконец-то всё оказалось позади. Пот выступил на наших телах сотнями мельчайших капель, сливавшихся в струйки и стекавших друг на друга. Не хватало воздуха. Мимолётное, но истинное блаженство пришло вместе с великой силой, сбросившей навсегда оковы страха, неудобства и застарелого чувства неполноценности. Прилив радости пришёл вместе с лёгким, но чрезвычайно приятным утомлением. Я повернулся на матрасе на спину, загорелая грудь разрывалась от невыразимой радости. Буйная отрада сладко пронизывала каждый нерв тела девушки точно электрическим током. Она, удовлетворённо поглядев на подарок ко дню рождения, защebetала будто жаворонок, славящий солнце:

– Свадебное платье красивое, и на бал тоже! Мы всегда будем ходить на вечеринки, где люди в больших платьях?

– Конечно.

Вентилятор в окне на mosquitoной сетке чуть слышно урчал, охлаждая разгорячённые лица.

– У тебя очень красивые пятнышки: тут и тут! – Я целовал её шею и грудь. – Реакция на возбуждение...

– Не говори мне о них. Кстати, как мой русский?

– Лучше, чем мой английский.

Мы счастливо рассмеялись.

– Не сказала Лейджу, что Созра – изменщица?

– Он сам знает. Расскажи про моё прошлое. Ничего не помню. Чем больше я с тобой, тем забываю... Помню моменты.

Я говорил о прошлом девушки, часто запинался, взгляд мой становился потусторонним. Она слушала... мою ложь. И соглашалась.

– А кто такой Эндру? – спросила она...

– Мой одноклассник, – соврал я с облегчением.

Сквозь шторы на витринах просачивался лунный свет, прохладой кондиционер нашёптывал ночную песню. Сирень неоновых трубок залила нарезанные копчёности, сыры, сосиски, отбивные, бифштексы и рыбу, приготовленные на следующий день. Лавка сияла рассеянным светом, словно готический кафедральный собор. Слышалась глухая воркотня компрессора старого холодильника.

Лейджелл отсутствовал вместе с женщиной его вигвама.

На теле девушки лежали перевернутые белой стороной фотографии, я как мальчишка считалкой выбрал одну, затем перевернул вторую. Приглянулась та, где Джулис держала на руках худого пуделя. Шапочка розоватого меха форсисто сидела у него на голове, сам пёс подстрижен наголо.

– Прекрасные фотографии родителям, – похвалил я, наклонившись для поцелуя.

– Да... – она была согласна. – Витя, хочешь индейку!

– До Дня благодарения далеко. Ты говорила, помнишь?

И всё же на следующий день, прислонившись к изгороди, мы выбирали индюшку. Торговец птичьим мясом нахваливал ту, что почти не двигалась, объяснял, почему именно её стоило приобрести.

А вечер полнился мрачными предзнаменованиями. Потяжелевшее небо окропило такси, до закуской Лейджелла ехавшее по мокрой дороге. Капли застывали на ветровом стекле.

– Вы свинину, часом, не везёте? – с опаской спросил водитель такси.

– Индейку. А что?

– Богиня Пеле гневается, когда тут свинину возят.

К ночи небо грозно налилось свинцом. Я чувствовал непонятную перемену, беспокойно крутил головой и настороженно глядел в окно.

Поднялся страшный ветер, не знавший преград на сотни миль в любом направлении. Об урагане с причудливым именем, надвинувшемся на Гонолулу, беспрестанно твердили радиостанции. Водитель, прислушавшись к названию ненастья, испугано произнёс:

– La Morena, la Virginita de Guadeloupe!

Вихрь рыскал по земле, по океану, как свора злых терьеров. Их могучие челюсти перемальвали хижины на побережье, гнули пальмы и вырывали папоротники. Чёрное зеркало океана вблизи островов жутко наморщилось. Дико воя, вихри столкнулись с мощным щитом горы Каала, обошли окраину стороной, но стоило выйти на улицу, как ветер душил. Ночной воздух острой прохладой напоминал о взбесившихся вихрях, обжигая ноздри.

Колокольчик в коридоре звонко оповестил о гостях. Сдержанный стук по пластмассе прилавка и грубые голоса насторожили меня.

– Поздно, – из полусна обронила Джулис.

– Мало ли кто.

– Дверь закрывал?

В столь поздний час не приходили ни Лейджелл, ни Созра. Отвечать на запоздалый приём следовало с оружием. В коридоре, ловко укрытый за фанерный лист меж двух металлических подсвечников, находился заряженный дробовик. Я прекрасно помнил о нём, но что-то в груди защемило: прошёл мимо.

В тусклом бледно-жёлтом свете лампы, установленной на стене под картиной грустного Монтесумы взывающего к предкам, два здоровенных паньоло в дождевиках, видом

напоминавшие богатырей, упёрлись узловатыми точно сучья локтями в прилавок.

– Como estaz, compadre?

– I'm ok, thank you, what do you, guys, need?

– Ну, вот и я, Виктор Витальевич, – тихо произнёс по-русски человек в чёрной одежде. Выжав свою шляпу на пол, Юхан внимательно воззрился на меня. – Как она?

– Спит, – сконфузился я. – Позвать?

– Да ладно, не беспокойте. Пускай отдыхает. Я по Вашу душу. – Винкстрём уселся в кресло Лейджелила. – Честно, хотел надрать Вам задницу, Виктор Витальевич. Очень хотел. За что – интересуется?

Парни-испанцы вскрыли витрину и грызли сухарики. Юхан неспешно обводил взглядом помещение магазинчика.

– Она предназначалась Эндрю Фостеру, а не Вам. Умница Эндрю – ассистент Джека Маккола – должен был довести этот образец, а тут влезли Вы, влюблённый дуралей. Живых, что ли, баб мало – народа на Земле семь миллиардов, а ему, вишь, работа в койку подавай! Оборудование испортили, мне неприятностей наделали. Вы хотя бы в свободной форме сможете написать отчёт, как она себя вела? Таланта хватит?

Прикрывшись рукой в чёрной перчатке, он закашлялся. В этот момент два телохранителя уставились на меня как на вид, который может исчезнуть в любую минуту. Точно насторожившиеся охотничьи собаки, они резко выпрямились. Несомненно, одно подозрительное действие или даже посторонний шорох, сотрёт врага их владельца в порошок.

Когда Юхан, вдохнув аэрозольное вещество из ингалятора, закончил содрогаться в приступе, меня передёрнуло от предательского чувства тошноты. Я подавил позывы страха, не позволил недомоганию ослепить себя. Я ждал и видел, как работал мозг шефа, лихорадочно выуживая из памяти факты, привязывая к ним оправдания. Но вспышек иступлённой злобы, которые представлял я, безудержной ярости не проявлялось. Раскаленный слепящий воздух бешенства зыбко мерцал молниями на горизонте, но далеко отсюда.

– Не могу я долго с вами. Болею. Я хотел посмотреть на... дочь.

– На дочь? В каком смысле? Джулис что-то говорила такое, будто бы... но я не понял: как возможно переселение души из живого тела в робота? Нереально...

Юхан вздохнул:

– Да, нереально... Джулия умерла... Мы с супругой дали согласие об эвтаназии для дочери. Потом ещё много лет обманывали себя. Наверное, ты прав, Витя, – Винкстрём впервые назвал меня на «ты». – Пойду я... Оставь себе... ЭТО.

Юхан видел в моей Джулис только андроида, но я-то знал её лучше...

– Держите задаток. – Юхан задал в себе минутную слабость. Мы опять были на «вы». – Компании нужен специалист Вашей квалификации. Возможно, мы купим один из островов и откроем здесь филиал. Профессор Сасаки не ладит с Макколом – его и откомандируем к Вам... Примите.

– Но... Хорошо... хорошо...

– Я готов Вас простить, если наладится наше сотрудничество. Вы правильно поняли. Побегали и хватит. Слишком дорог проект, чтобы мы рисковали результатом исследований стольких людей. Я привёз рабочую платформу... ноутбук ваш, помните? Норимура обеспечил новым материалом. Лично я в нём мало что понимаю, но, судя по количеству файлов и мегабайт, в свойствах папки, работы, наверное, невпроворот. Да-а, – Юхан критически осмотрел меня, дал распоряжение одному здоровяку и тот вышел, зазвенев ключами от машины. – Отдых не пошёл вам на пользу – похудели. Свяжитесь с Джеком и Норимурой. В книжке есть другие профессора, знающие русский, я бы сказал, на «отлично», но занимаются пока другим делом и не стоит их тревожить. Ознакомьтесь с инструкциями, подключайте свой аналитический ум – и вперёд. Так-так, – перегнувшись через прилавок, он любопытно изучил ярлык на фартуке, висевшем на стуле. – Если время есть, то можете и кухарем подрабатывать, но не увлекайтесь!.. Алохаахону!

– Алоха...

Здоровяк принёс ноутбук, крепко упакованный в полиэтилен, и ещё какие-то большие прямоугольные коробки с оборудованием с логотипом ASY.

На том ночные гости и откланялись.

Вернувшись к нашим сдвинутым вместе матрасам, я лёг и глубоко вздохнул. Накрылся покрывалом, попробовал заснуть, но не спалось.

– Ты дрожишь, – пробормотала Джулис, нащупав меня вслепую. – Холодный какой, а кондиционер стал работать не очень. Надо позвать рабочих. Кто приходил а-а, Витя?

– Не знал, что гости могут нагряться очень поздно.

– Гости, спи...

Обняв девушку, я ещё долго лежал без движения.

С уходом гостей, как ни странно, ураган стихнул. Магази́нчик-закусочная нежилась в мягких объятиях лунного янтаря. Снаружи шелестели листья, шуршали и щёлкали насекомые, ночной охотник ловил и хрумкал их. Ночь ласкала разбросанные по площадке листья папоротников и гладила белеющие в темноте цветы орхидей, вычерчивала большим пятном появившуюся нору и точки испугано заматавшихся ночных обитателей «Heaven's Hill».

Эпилог

Прекрасная получилась история. Как жаль, что это лишь сон в зимнюю ночь, хотя учёные утверждают, что человек во сне переживает дневные тревоги. Мне повезло: я смог, пусть в мыслях, но прожить кусочек яркой интересной жизни. Кто знает, что ждёт нас в лабиринтах судьбы? Действовать надо, а не ждать, пока кривая жизни выведет тебя на желаемую дорогу! Это точно! Обещаю себе, что обязательно, невзирая на страх, познакомлюсь с красивой девушкой в маршрутке. Даже знаю, с каких слов начну разговор:

– Девушка, я Вас знаю, мы вместе были на Гавайях! Только надо обязательно встретиться!

–//–

Комментарии к тексту

- 1) «Карманное местечко» – на сленге таксистов означало постоянное место для ожидания клиентов.

- 2) I am...I am...What's happened? – Я...Я... Что произошло? (Здесь и далее будет переводиться с англ. яз)
- 3) What...was that? It hurts... – Что...это было? Больно...
- 4) Answer me, please! – Ответь мне, пожалуйста!
- 5) What's wrong, Vitya? Calm down... – Что не так, Витя? Успокойся...
- 6) Завтра Эндрю взять я на «Грифон»... – имеется в виду, парк аттракционов в городе Вильямсбург.
- 7) Rush-hour! – Час пик
- 8) At all... – Совсем
- 9) Джей Эф Кей – J. F. K. – международный аэропорт имени Кеннеди в США.
- 10) Хавай – Гавайи
- 11) Релакс – отдых
- 12) What a?.. – Что за?
- 13) Come on, stupid dog? I'm sorry, buddy, I don't know what's wrong with it!? – Ну что ты, глупая псина? Прости, приятель, не знаю, что на него нашло!?
- 14) Кул гайс – Cool guys – клёвые парни
- 15) Гейс – Gays – гомосеки
- 16) Масклз – Muscles – мышцы
- 17) «Гаент» или «Шоперс» – «Giant», а так же «Shoppers» – сеть популярных американских супермаркетов
- 18) «Heaven`s Hill» – «Небесный Холм».
- 19) Some bad events passed away, everything gonna be ok, if you help her to relax!.. – Девушка претерпела, всё будет хорошо, если вы поможете расслабиться ей.
- 20) Плимут-Рок – Исследовательский центр в городе Плимут, штат Массачусетс; названный в честь скалы, под которой, по преданию, высадились «отцы пилигримы», прибывшие из Англии на корабле «Мейфлауэр».
- 21) That`s great, Vitya! – Вот здорово, Витя!
- 22) What`s up, old chap? – Как дела, дружище?

- 23) Алоха! – На языке гавайцев означало «здравствуй», «до свидания», а так же «добро пожаловать».
- 24) The man doesn't speak English, right? – Мужчина не говорит по-английски, так?
- 25) Are you hungry, old chap? – Проголодался, дружище?
- 26) Stop it! – Прекрати!
- 27) «The State of Aloha» – Штат Алоха.
- 28) Ю шуд кам! – You should come – вам следует прийти.
- 29) Wait! – Подождите.
- 30) «Gregory's County» – Округ Григория.
- 31) Ай нэу инглиш, бат нот ту гуд ту андестэнд ситьюэшн! – I know English, but not too good to understand situation – я знаю английский не слишком хорошо, чтобы понять ситуацию.
- 32) «Prompt» – Электронный переводчик.
- 33) Oh, my God! – О, боже мой!
- 34) With so good girl! – С такой хорошей девушкой!
- 35) Tomorrow I will tell you guys about job – Завтра я расскажу вам ребята о работе.
- 36) You got crazy, chap! – Ты сдурел, дружище!
- 37) God saves somebody who thinks about the night spending on the fresh air – Слава богу, что ни у кого не возникла мысль провести ночь на открытом воздухе.
- 38) Damned creature... doesn't take my present! – Проклятое создание... не берёт мой подарок!
- 39) That's your everyday work – Ваша повседневная работа.
- 40) Дельтапланинг – Delta planning – спорт, включающий планирование на дельтапланах с высоких вершин
- 41) Outside – снаружи.
- 42) «The reflection of Kane's bared teeth – «Отражение Оскала Кане» – перевод с языка коренного населения островов.
- 43) «Окро-шка», «Borsch» – Окрошка, борщ.
- 44) «ВВ&Т» – Распространённая в Америке сеть банков.
- 45) Here is your place! – Ваше место!
- 46) «Yacht» – Яхта

- 47) Венерка – Вид съедобного моллюска
- 48) Were you, guys, fighting? – Вы, ребята, дрались?
- 49) I guess you wanna visit the market on the water? –
Догадываюсь, хочешь посетить рынок на воде!
- 50) «лузер» – loser – неудачник.
- 51) Shark... – акула.
- 52) «Passion fruit» – «Плод страсти».
- 53) We are going down! – “Мы разобьёмся!”
- 54) Экшн! – Action – действие.
- 55) Cunado mio, favor? – Можно, мой друг? (исп.)
- 56) «Little-big Horn» – Место у перевала, где 1876 году
вождь индейского племени сиу нанёс поражение
американскому генералу Кастеру.
- 57) Пайсано – Потомок индейцев.
- 58) День благодарения – Официальный праздник в память
первых колонистов Массачусетса, отмечаемый в США в
последний четверг ноября.
- 59) La Morena, la Virginita de Guadeloupe! – Богоматерь
непорочная из Гваделупы!.. (исп.)
- 60) Como estaz, comrade? – Как дела, приятель? (исп.)
- 61) I'm ok, thank you, what do you, guys, need? – Хорошо,
спасибо, что, ребята, необходимо?

© ЭИ «@элита»
Екатеринбург
2016

Литературно-художественное
электронное издание
Александр Антонов
«Сон в зимнюю ночь»
18+

Редактор и корректор Сергей Трищенко
Художник Наталья Дуплякова
Главный редактор Борис Долинго

e-mail: writer@k66.ru
<http://www.iaelita.ru>